

Кто живёт в мире слов, тот не ладит с вещами.

Сергей Довлатов

1

День студента

Двадцать пятое января – Татьянин день, который любят многие студенты. Экзамены сданы, впереди – каникулы. Именно в это время, в конце января, я устраиваюсь работать журналистом в свой родной вуз. Наверное, судьба.

Первое задание, как всегда, тестовое. Без этого в СМИ не возьмут. И конечно, в моём случае нужен материал о празднике. Энтузиазма – море. Когда трудовой договор будет на руках, энергии поубавится. Закон сохранения энергии в действии.

Морозное субботнее утро. Вставать по будильнику – тяжело. В субботу – вдвойне. А ведь у некоторых студентов шестидневка! Бедные, как они живут? Забыть бы обо всём и выспаться! Но место терять нельзя. В нашем миллионном городе Смирновске это единственный классический вуз. И для меня – лучший.

С трудом открываю глаза, одеваюсь. Безлюдное метро, холодный трамвай, знакомая расчищенная дорога... С улицы из-за дверей слышится танцевальная музыка. Захожу.

Красиво! Холл университета преобразился: огромная сцена, яркие шары, нарядные ведущие. Да, будет весело. От методичного «бум-бум» сразу затрещала голова.

Куртку пришлось оставить в гардеробе. Без повода одежду туда лучше не сдавать. Есть риск, что окно закроется перед самым носом. Обед. Мольбы и уговоры бессильны. У вахтёрш, охранников и иного технического персонала чувство собственного достоинства завышено.

– Саша, поздравляю с новой должностью! – кивает декан филологического.

Откуда они только все знают?!

– Анастасия Дмитриевна, меня же ещё не взяли.

– Всё будет хорошо. Почему с другой работы ушла?

– Зарплата маленькая.

Начало праздника между тем затягивалось: ждали руководство. Через двадцать минут появился ректор. С улицы. Без шапки. В мороз. Толпа зашевелилась. Рядом со мной возник глава студенческого профкома Миша. Вручил зеркальный фотоаппарат.

– Посмотри, – говорит. – Тебе нужно уметь им пользоваться.

– Зачем? Снимать же будешь ты? Мы договаривались...

– Ну, учись, пригодится.

Следующие полчаса знакомлюсь с новым устройством. Увы, обычная мыльница была куда проще. Фотографирую пол и чьи-то ноги. На втором кадре отсутствует макушка головы. После третьего неудачного снимка, где ректор выглядит косым, инструмент у меня забирают.

Растерянно оглядываясь, понимаю, что на мероприятии будут журналисты из местных СМИ. Встречать их доверили секретарю Ксюше. Она тут давно, привыкла, а мне неловко: слишком много камер. Как только объявляют пресс-подход, захожу в центр круга и уверенно включаю диктофон. Чувство скованности, однако, не проходит.

– Молодец! Мы всегда должны быть в первых рядах. – То, что я старательно растолкала всех локтями, Ксюшей оценено по достоинству.

К этому времени уже подтянулись студенты. В общей массе их всё равно немногим больше, чем преподавателей. Деканы и начальники отделов присутствовали с утра, как по разнарядке.

– Пойдём в буфет. Там сегодня акция, – слышится где-то рядом.

Наконец заиграл студенческий гимн *Gaudeamus*. Будучи юристом и филологом, я знаю его наизусть и всегда подпеваю. Музыкальными талантами с детства я обделена. Так что петь – только шёпотом, чтобы не распугать народ. Народ с тоской посматривал на столы и закуски.

– Мы рады видеть студентов, преподавателей и всех гостей! – раздалось со сцены.

Все повернулись. Блондинка-ведущая определённо привлекала. Разрез на её платье достигал талии. Сквозь ткань просвечивало изящное кружевное бельё. Один из деканов кинул взгляд, полный недовольства. Так смотрят на девушек лёгкого поведения...

Началась торжественная часть. На трибуну проходили руководители и что-то говорили. Их разные слова мало отличались по существу. «Дорогие студенты! С праздником!» Или: «Разрешите поздравить всех с этим замечательным днём!» И конечно, все утверждали, будто для них огромная честь присутствовать сегодня здесь...

Со временем я пойму, что разная форма и одинаковое содержание – это норма жизни. Цифры берут верх над сутью. Всё делается, чтобы показатели росли. Внутренняя составляющая никого не трогает. Какая разница, много ли сделано, если отчёт не утвердили? Зачем работать, когда формально обязанности выполнены? Не придерутся же. А если посмеют – напишем очеред-

ную бумагу. Израсходуем ещё кипу листов. Запасов на всех хватит!

Но я опять думаю не о том... Чтобы сочинить материал, требуется найти в каждом выступлении нечто особенное. Впрочем, есть хороший способ: назвать ораторов, похвалить их – и достаточно. Фамилии можно зафиксировать в блокноте смартфона (тетрадь и ручку мне носить обычно лень). Все будут довольны, лишь бы не забыли. Человеку приятно видеть напечатанным своё имя, а в прессе – так вдвойне.

Снова музыка. Парни и девушки в народных костюмах выкатили бочку с чем-то жёлтым. Слово взяли ведущие:

– Давайте в честь праздника вспомним традиции и выпьем медовухи!

Бурные аплодисменты.

– А кто у нас разливает медовуху? Конечно же, ректор!

Такого поворота не ожидал никто. Началось что-то сверхъестественное. Ректор Пётр Александрович смущённо заулыбался, щёки покрылись ярким румянцем. Кто-то вручил ему половник, рядом виднелись стаканы. Вся толпа начала перемещаться. Со стороны казалось, что это движется какая-то очень большая волна. Ксюша лихорадочно щёлкала фотоаппаратом.

После медовухи все заметно повеселели. Настроение улучшилось. Ведущие рассказали об истории праздника.

– Ребята, за что вы любите Татьянин день?

– За то, что сессия закончилась! Впереди каникулы! Ура!

Громогласный хохот.

После торжественной части всегда следует развлекательная. Этот праздник не исключение: танцы, песни, быстрый рэп. Я с обожанием вдыхаю такие моменты ещё со школы. Окунаешься в радостную атмосферу, мечта-

ешь о новых свершениях и чувствуешь, будто всё не зря... Может, в часы таких поэтических раздумий и рождается любовь к слову? Хотя нет, у меня это произошло гораздо раньше: сельские картины, грустный дом, зимние поля, время остановилось... Стоп, это уже другая история. Музыка стихает. Праздник закончился. Но не для меня.

Традиционно на двадцать пятое января запланированы ещё и соревнования. Признаюсь, как по мне – странная традиция: всё-таки День студента, а не здоровья. В минус двадцать пять резвиться в бассейне – это слишком.

– Сходи ты, я с прессой общаюсь, – махнула рукой Ксюша.

Бассейн находится в отдалении. Красивое, недавно отремонтированное здание привлекает издали. Ёжась, я приближаюсь к входу. Дёрнув тяжёлую ручку и пробравшись внутрь, ощущаю, что начинаю задыхаться. Это не бассейн. Это баня! Недаром первые слоги у них одинаковые. Конечно, сказывается разница температур. Искренне жалко студентов, которые в такой мороз щеголяют в плавках и шапочках. Им же ещё добираться домой, многим – на общественном транспорте.

Но то раздевалка, в самом бассейне куда хуже. Странно находиться тут в шерстяной толстовке... Однако мне нужно сделать репортаж и пару фотографий. С первым легко: достаточно комментария организаторов. Правда, где их найти? Взгляд останавливается на тётеньке, которая мучится с акустикой. Говорю:

– Здравствуйте! Я из пресс-службы. Меня зовут Саша. Можно с вами пообщаться?

– Чего?

– Я из университетской газеты, статью пишу.

- Из какой ещё газеты? Девушка, я занята.
- Хорошо, я так и передам ректору.
- Ректору? Что вы говорите про ректора? Я вам дам сценарий, а вы его перепишите.
- Хорошо, я его сфотографирую. Вы не против?
- Нет, только быстрее.

И так всегда в нашей жизни. Подходишь к людям с открытой душой, а они к тебе задом. Как ни расстилайся, бесполезно. И человек ожесточается. Перестает доверять окружающим. Становится злым. Теряет друзей. А в душе он добрый. Просто знают об этом немногие. Нет, всё-таки «среда заедает».

Журналисты это чувствуют с особой силой. Общаться с ними желающих мало. Я понимаю, когда людям есть что скрывать. Или когда у СМИ репутация неоднозначная. Но зачем игнорировать собственную пресс-службу? Её сотрудники делают торты из грязи. И согласуют с источником каждую запятую несколько раз.

Мне и самой приходилось избегать вопросов журналистов. Но на работе я по другую сторону баррикады. Значит, должна выводить людей на беседу. Иногда – мольбой. Бывает – напористостью (результат – «сейчас отвечу, только отстаньте»). И ещё один способ – «включить начальника». Какой из них применять, зависит от ситуации. Сегодня пригодился третий. Он крайний, безотказный. Но то, что админресурс может всё, – факт.

Фотографирую сценарий. На сегодня хватит. Придумывать уже нечего: на снимках есть вся информация. Главное – имена и фамилии, которые выверять особенно мучительно. Люди обижаются, когда их фамилии коверкают. Но кто же виноват, что русский язык такой богатый?

- Привет! – улыбается мне какой-то парень.
- Что-то знакомое в физиономии...
- Здравствуйте?

– Саш, ты не узнала, что ли? Я же Коля! Помнишь, мы с тобой в трамвае вместе ехали?

Простите, нет, я там каждый день езжу и вечно знакомлюсь.

– Конечно!

– Как дела?

– Хорошо.

– О, крутой у тебя фотоаппарат!

– Рабочий.

– А где ты работаешь?

– Устраиваюсь в наш вуз. Журналистом буду.

– Типа в газету, что ль?

– Типа да.

– В натуре круто.

– Ага, капец, ваще. – Мой внутренний филолог заливался диким смехом и не переставал язвить.

– А ты клёвая.

– Спасибо.

– Прямо зачётно выглядишь.

– Благодарю.

– Давай сходим куда?

– В библиотеку пошли. Гы-гы.

– Чё?

– Коля, я работаю. – На этих словах ретируюсь в другой угол бассейна.

Соревнования между тем продолжались. Раздетые пловцы начали разминку. Им готовили полотенца и одежду. Два мальчика весело переговаривались.

– Клёвая водичка, – сказал один.

– Опробуем, – констатировал другой.

Наконец все подошли к линии старта. Раздался звук сирены, и десять полуголых тел оторвались в прыжке. Один студент маленького роста замешкался. Не видать ему приза! Мне же удалось заснять старт – красиво. Ещё

пара фото... На одно попал Коля. Уже забыл про меня. В телефон смотрит.

– Давай быстрее! Опаздываем! – раздалось откуда-то справа. В разгар соревнований приехали телевизионщики и загородили обзор.

Пора уходить. Ксюша скажет, что нужны итоги. А какая разница, выиграют те или другие? Сценарий есть, результаты пусть объявляют организаторы. Мне для новостной заметки хватит.

Гордо продефилировав мимо Коли, захожу в раздевалку. Ненадёжна всё-таки мужская симпатия в двадцать первом. Заматываю шарф, надеваю куртку. Вдруг чувствую: кто-то сзади смотрит. Поворачиваюсь – Коля. Видно, невнимание было показным. Так любят сейчас делать.

– Привет!

– Привет! Мы виделись уже. – Обычно я стараюсь всем широко улыбаться, но, когда терпение лопається, напоминаю злую фурию.

– Саш!

– Откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Лёша сказал.

– Какой ещё Лёша?

– Неважно.

Выяснить, что ещё за Лёша, я не стала. Всё-таки наш вуз иногда напоминает хутор. Ничего не скроешь.

– Ты почему ушла от меня?

– Я с тобой и не была.

– Ну, разговаривать не хочешь.

– Я работаю.

– Сейчас уже нет.

– В смысле?

– Ты же домой собираешься.

– Мне там статью писать. И вообще, меня парень ждёт.

– Лёша сказал, у тебя никого нет.

Что же это за колхоз такой? Ни дунуть, ни плюнуть.

– И что?

– Давай я провожу.

– Нет.

Подходит ко мне.

Тут я запаниковала. Вокруг ни души. Все в бассейне, раздевалка пустая. И вряд ли кто-то ещё сюда зайдёт. Спортсмены ещё долго плавать будут...

Коля между тем подвигается ещё ближе. Инстинктивно делаю шаг назад и вспоминаю недавнюю сцену на улице. Иду, значит, поздно ночью от метро домой. Навстречу мне какой-то странный тип. Улыбается. Косится на мою сумку. Благо пересмотрела кучу детективов, уже выработала линию поведения. Останавливаюсь боком у тропинки и делаю вид, будто по телефону разговариваю. «Мам, иду домой», и всё такое. Говорят, что это отпугивает бандитов, так как жертву ожидают, а значит, начнут искать. У меня в этом случае ещё один интерес – не подпустить со спины. Обычно срабатывает, но тип оказался каким-то наглым. Подошёл ближе. Я улыбаюсь и грозно качаю головой. Он поворачивается всем телом и говорит: «Девушка, я вас не трону! Я адвокат!» Разговорились – действительно адвокат. И всё моё поведение просчитал. Хороший парень оказался. Жаль, кольцо на пальце имеется.

В ночное время на улице люди часто ощущают животный страх. Просыпается инстинкт самосохранения. А потом думают, что всё хорошо закончилось... И сегодня мой инстинкт, увидев Колю, сработал. Хотя с чего бы это вдруг? Мы в высшем учебном заведении, а не в подворотне. Это мысли, как обычно, прыгают. Но поток сознания невоспроизводим, хотя Джойс очень старался... Стоп, хватит. Гордо толкаю собеседника рукой и направляюсь к выходу.

Возвращаюсь в редакцию. Где мне сообщают, что товарищи из профкома нечаянно стёрли все фото из памяти телефона. Удаляли одно, а снесли всё. Это трагедия. Статья не выйдет. Что делать? Звоню Ксюше.

– Привет.

– Саш, давай быстрее, – отвечает.

– Зайди, у нас катастрофа, – говорю. – Мы без фото.

– Опять? Ты не переживай, они всегда их стирают.

То возьмут новых студентов, которые зеркалку никогда не видели. То сами что-то перепутают, как будто руки дрожат. Я тоже снимала. Нам достаточно.

Отлегло...

– Спасибо тебе.

– Да не за что. Учись сама фотографировать. И статью готовь к утру.

Ох, закончилось, думаю. Правда, ещё сочинять материал всю ночь.

Впрочем, всё ещё только начиналось.

Впереди была интереснейшая жизнь. Необычная работа. Победы и разочарования. Смех и плач. Друзья и предатели.

Новый университетский мир распахнул свои двери.

2

Встреча с журналистами

Я ещё ждала трудоустройства из-за бумажной волокиты. Однако работу это не отменяло.

Задание выдалось преинтересным: наш ректор пригласил кучу журналистов. То есть фактически моих коллег. Что с ними делать, было не совсем понятно. Миша сообщил: в Круглом зале назначили встречу.

– Напиши хоть что-нибудь, – говорит.

– «Что-нибудь» – это про то, какие они все продажные?

– Да ну тебя на фиг... Опять ты со своей правдой.

– А разве не так?

– Получается, и тебя можно купить.

– Нет, милый. Я из пресс-службы. – Мысленно хихикаю, вспоминаю заезженную шутку про вторую древнейшую.

– Всё одно и то же.

– Не-а. Это разница, как... Ну типа... Как между тобой и молодёжным отделом.

С ним у профкома действительно были вечные нелады. Люди не могли поделить зоны ответственности и финансирование.

– Ты загнула. Они же ни хрена не делают.

– Про тебя они то же самое скажут.

– Спасибо, удружила.

– А нечего меня поднимать с утра. Я, между прочим, ещё не работаю официально. И по утрам спать люблю.

– Это, по-твоему, я спать не хочу?

– Кто тебя знает. Ты у нас активист.

– Угу. Зарплату бы подняли, тогда и активизируюсь.

Миша красив. Даже невыспавшийся. Среднего роста, с правильными чертами лица и тёмными волосами, он напоминает мне героя античных трагедий. Импонируют его вежливость и доброта. С некоторыми людьми как-то стыдно обниматься при встрече – с ним не хочется расставаться. А руки так и тянутся поправить волосы. Психологи говорят, что это признак скрытой симпатии.

На мероприятие я чудом не опоздала. Опять. Надоело! Выросшие в девяностые, кажется, не в состоянии приходить вовремя. Как и не могут работать по восемь часов в день. Да-да, это я про своё поколение. С кем ни поговорю, все одного мнения: лучше быстрее, зато продуктивнее. А восьмичасовой рабочий день – атавизм.

В общем, я залетаю в холл, раздеваюсь на бегу. Отважно разматываю шарф, смотрю: стоит замдекана филфака, встречает гостей. Ага, точно, это же филологи всех приглашали. Хотя, по мне, так филология с журналистикой имеет мало общего. Ну не могут люди со знанием греческого и латыни вытаскивать из людей комментарии, отмахиваться от угроз и доставать всех по двадцать четыре часа в сутки: характер не тот.

В Круглом зале холодно. Брр, и зачем только я надела этот пиджак?

– Привет! – кивает заспанный Миша.

Нет, не зря, пиджак красивый.

Народу уже немало. Все чинные, благородные, на столе – таблички. Знакомых я не обнаруживаю. Протискиваюсь в дальний угол, вынимаю ручку, блокнот, диктофон. Опять некуда поставить сумку и пакет. С трудом пристраиваю их на полу. Пакет, купленный в ларьке у метро, резко выделяется среди всей обстановки. Так выглядит рабочий в униформе, оказавшийся на светском балу.

Журналисты тем временем переговариваются, обсуждают новости. Как только заходит руководство университета, все стихают. Старт дан. Мои глаза медленно закрываются...

Встреча ничем особым не ознаменовалась. Сначала выступал ректор, а дальше по нисходящей: проректор, декан, завкафедрой... О чём говорили, зачем встречались, я так и не поняла. Сказали, что университет активно сотрудничает с журналистами, и поблагодарили их за такую возможность. Попрощались и разошлись. На пути к выходу гостей завели в современную лабораторию. Вероятно, чтобы они про неё сочинили материал.

Всё собрание напомнило мне конференцию учёных. Приехать за тысячу километров, выступить с докладом, сходить на кофе-брейк и затем обратно в поезд – в этом вся

суть. Я участвовала в десятках таких конференций, в том числе международных. Один хороший знакомый справедливо называл подобные мероприятия научным туризмом. Для журналистов, видимо, устроили пресс-туризм.

Упустить полезные знакомства в этот день было бы глупо, тем более смелостью природа меня не обделила. Быстро достав телефон, я обменялась контактами с пятью известными редакторами и к одному напросилась на собеседование. Какая разница, где работать? В региональной газете точно веселее. А зарплаты на стартовых позициях мало отличаются.

На выходе из лаборатории меня догнал Миша.

– Ты что, увольняешься?

– Я здесь как бы и не работаю ещё.

– Ну а всё же?

– Попробую в другое место.

– Зачем?

– Хочу развиваться дальше.

– А чем у нас не нравится?

– Это что, допрос? Я предпочитаю задавать вопросы сама.

– Ладно, мне просто интересно, – теревит Миша пуговицу на рубашке.

– Да спрашивай, чего уж там.

– Проехали. Ты сейчас куда?

– На работу, мне материал готовить надо.

– Вечер уже, тебе заняться нечем?

– Представь себе. Это только ты у нас по вечерам по ресторонам шатаешься, – отвечаю. И думаю: вдруг пригласит? – Я завтра пойду с друзьями гулять. Ладно, мне пора.

Я разворачиваюсь и иду в другую сторону. Миша неожиданно хватается за локоть:

– Ты это... Оставайся работать у нас.

– Посмотрим!

Возвращаюсь в свой кабинет. Вдохновение напрочь отсутствует. Подхожу к окнам, которые выходят на стоянку, и с тоской разглядываю опустевшую территорию. У одного из автомобилей стоит Миша и смотрит куда-то вверх. Что у него на уме? Впрочем, надо заканчивать материал.

На следующее утро я просыпаюсь в шесть. Пора на собеседование. Меня ждут в редакции известной газеты «Вечерние новости». Нахожу самые приличные джинсы, кое-как укладываю макияж и беру такси: холодно.

Редакция находится в центре города и занимает весь первый этаж офисного здания, то есть около десяти больших чистых комнат. Вроде неплохо, однако после университета масштабы кажутся так себе.

Открываю дверь.

– Девушка, вы к кому? – спрашивает секретарь.

– К редактору на собеседование.

И тотчас же все, кто находится рядом, буквально сканируют меня глазами. Ненавижу такое внимание! Хотя людей, наверно, можно понять: они боятся, как бы их не подсадили.

– Подождите, я доложу о вас.

Через пять минут слышу: «Проходите». Вздохнув, отправляюсь. Немного потрясывает. Руки и нос холодеют, давление, кажется, скачет. Утром пила валерьянку, но что-то не помогает.

– Здравствуйте, – открываю дверь.

– Доброе утро, – откликается редактор. – Присаживайтесь. Расскажите о себе.

– Ну, меня... зовут Александра, – собираюсь с мыслями. – Я окончила филфак и полгода работала корреспондентом отдела экономики журнала «Бизнес».

– А в университете вы трудоустроены?

– Пока как внештатный журналист. Я готовлю информационные материалы и аналитику, пишу в разных жанрах, могу фотографировать, вести соцсети...

– Это уже связи с общественностью. Нас интересует скорее журналистика в её классическом понимании. У вас резюме с собой?

– Да, конечно.

– Оставьте, пожалуйста, его мне. И отправьте на эту почту свои лучшие тексты, – протягивает редактор бумажку с электронным адресом.

– Хорошо, а скажите, пожалуйста, какая вакансия у вас имеется?

– У нас? Ничего нет.

– Мм... – пребываю я в лёгком удивлении.

– Но мы практикуем создание кадрового резерва. Как только нужная позиция освободится, вам дадут знать. Сразу хотим предупредить, что на всех творческих должностях у нас минимальный оклад, остальное – гонорары.

– Извините, а какая примерно вилка?¹

– Порядка десяти-пятнадцати тысяч в месяц.

Весь мой энтузиазм улетучивается. Гонораров дожидаться трудно, особенно в январе и мае с их бесконечными праздниками. А отпуск? А больничные? Какой ещё кадровый резерв? Это же негосударственное учреждение!

– Александра, вы сейчас пришлите мне тексты. В ответ мы отправим вам тестовое задание. Понимаете, у нас серьёзная организация, конкурс большой. Вы английский хорошо знаете?

– Да, читаю профессионально.

– Насколько высокие у вас скиллы² по отдельным блокам?

¹ Вилка зарплатных ожиданий – примерный диапазон. – Здесь и далее примеч. авт.

² От англ. *skill* – навык. Слово часто употребляется у рекрутеров.

Стоп, я, кажется, попала туда, где любят англицизмы и гонятся за всем западным.

– Общий уровень B2³, ридинг на уровне нэйтив⁴, райтинг, листенинг и спикинг чуть похуже⁵.

Редактор вроде доволен терминологией.

– Вы не переживайте насчёт оплаты труда. За выполнение KPI⁶ предусмотрены бонусы. Но для этого ваши скиллы должны быть высокими. Хотя вы, по-моему, стараетесь. SEO⁷ и копирайтинг знаете?

Сколько же можно, давайте поговорим на русском языке! Только что связи с общественностью ему были не нужны, а интернет-маркетинг понадобился! И зачем ему в региональной газете столько всего? Улыбнувшись, отвечаю:

– Конечно!

– Тогда договорились. В ответ на ваше письмо я отправлю вам небольшое задание. Надо будет подготовить всего три заметки.

Медленно падаю со стула...

– А на какую тему?

– В письме всё объясню. Если будут вопросы, позвоните. По результатам тестового задания мы определим вас в резерв.

– Хорошо.

³ По международной классификации существует три уровня владения английским (A, B, C), из которых A – самый низкий, C – самый высокий. В рамках каждого уровня выделяются подуровни. B2 считается достаточно хорошим показателем.

⁴ От англ. *native* – родной. Имеется в виду самый высокий уровень, C2, как у носителя языка.

⁵ При проведении международных экзаменов по иностранному языку обычно проверяются четыре блока: Reading, Writing, Listening, Speaking. Оценка выставляется отдельно за каждый блок, а также даётся общая оценка, которая и переводится в уровни (A1, A2, B1, B2, C1, C2).

⁶ Key Performance Indicators, KPI – целевые показатели эффективности.

⁷ Search Engine Optimization, SEO – совокупность мер для поднятия сайта в рейтинге поисковых систем.

– Возможно, проведём групповое собеседование, у нас много кандидатов. Но не переживайте, у вас хорошие задатки. И одна вакансия, думаю, скоро появится. У нас они бывают.

– А какие условия работы?

– Как и везде, с девяти до шести, обед с часу до двух. Пару раз в неделю мы устраиваем дежурство. Иногда оно приходится на выходные. Бывает ненормированный рабочий день, как у всех журналистов. И анкету заполните у секретаря, пожалуйста. Мы вам обязательно перезвоним. У вас вопросы есть?

– Нет, – отвечаю. А сама думаю: «Вопрос у меня только один: зачем это всё? Понятно, откуда у вас вакансии появляются. Люди не выдерживают».

Выхожу из кабинета. Секретарь даёт анкету на трёх листах:

– Девушка, вот ручка, вот бумага, пишите. И скан паспорта вашего можно сделать?

– Зачем? – Мои глаза округляются ещё больше.

– Ну как же! Наша служба безопасности вас проверит.

– Извините, я всё-таки откажусь.

Медленно двигаюсь к выходу, пока такая возможность ещё имеется. Университет, оказывается, не самое плохое место. Тем более там меня ждёт Миша. Наверное.

– А, это ваше право.

После собеседования отправляюсь в родные края.

Открываю дверь и из потока людей сразу выделяю Мишу. Общается с тремя симпатичными девушками. По-моему, руки опять холодеют. Почему он вечно оказывается рядом? Наверно, я просто слишком акцентирую

внимание. Кажется, заметил... На прощание обнимает и целует каждую из студенток. А вот это было совсем необязательно.

Явно довольный, он подходит ко мне, какую-то секунду находится в замешательстве:

- Привет.
- Здравствуй.

Привычка обнимать всех знакомых явно делает счастливее, когда эта знакомая – ты.

- Ну что, как собеседование?
- Откуда ты знаешь, что я там была?
- Слышал разговор вчера.
- Ты что, подслушивал?
- Не, я случайно, – краснеет.
- Случайно подслушивал?
- Опять ты злая. Как с тобой разговаривать?
- Да нормальная я. Собеседование – отдельная история. Пойдём расскажу.

– Может, ко мне в профком? Там сейчас никого, у всех пары.

- А ты прогуливаешь, – смеюсь.
- Я уже давно магистрант, учусь по вечерам.
- Ладно, иди уже.

Профком находится в конце третьего этажа. Уединённый кабинет, кожаные диванчики. Присаживаюсь.

– Рассказывай. – Миша устраивается рядом. – Может, тебе кофе сделать?

- Не откажусь, замёрзла.

Монолог длится треть часа. Периодически прерывается Мишиным хохотом.

- Саш, ты даёшь! Я же говорил тебе не ходить.
- Ну и что? Опыт как-никак, – устало откидываюсь на спинку. – Скажи, почему мне так не везёт, а? Я журналист, но максимум, что мне предлагают, – пятнадцать ты-

сяч. Я окончила аспирантуру, а на кафедре трудоустроиться не могу: мест нет. Кругом один обман.

– Да ладно тебе, – двигается он ближе. И обнимает за плечи. – Мы тут тоже по-своему с ума сходим. Всё будет так, как надо!

«Даже если всё будет наоборот», – вспоминаю я цитату из любимого сериала «Ментовские войны» и смотрю ему в глаза. Хоть бы этот миг не кончался! Мишка прижимает меня ещё сильнее, и я сижу, практически уткнувшись в плечо...

Неожиданный стук в дверь выводит нас из оцепенения.

– Здравствуйте, Михаил Викторович, можно заявление на материальную помощь оставить? – вбегает студентка. – Ой, извините...

– Не-не, всё в порядке, проходите, – натужно улыбается Миша и встаёт.

Раздаётся звонок на перемену. Покоя теперь не будет.

– Я пойду? – поднимаю взгляд.

– Куда? Уже?

– Мне уже пора работать. Я тебя отвлекла?

– Ты что! Я тебе перезвоню, как освобожусь.

– Говоришь, как на собеседовании, – хохочу в ответ.

Минутная слабость в прошлом. – Звони, конечно. Хотя у меня работы море. Пока.

Выхожу в коридор. Нескончаемая толпа студентов, у всех дела. Какое это счастье – студенческие годы! Как хорошо учиться и не думать ни о чём! Впереди у них взрослая жизнь, поиск работы, собеседования... Я сегодня была на одном... Что за мода у людей: «Мы вам перезвоним»? Вроде и не отказ, и не согласие. На собеседованиях мне так говорили и раньше, но обратной связи не было. Если в человеке заинтересованы, то обычно сразу дают об этом знать. А Миша... Туда же: «Я перезвоню». Мы оба знаем, что этого не случится.

Может, люди так пытаются казаться вежливыми? Но горькая правда всё-таки лучше сладкой лжи, народная мудрость лукавить не будет. К чему мы придём с такими двойными стандартами? Рекрутёры... Сколько можно гонять безработных измученных людей по собеседованиям? Проезд – это деньги, собеседование – нервы, время... Такое впечатление, что нужен процесс ради процесса, что сотрудники кадровых отделов сами таким образом выполняют какие-то свои никому не ведомые KPI. Что происходит? И как найти работу без опыта? Мне немного повезло, а одноклассники так и не стали ни журналистами, ни пиарщиками: филологов туда не берут. А ведь хотели работать почти все, но теперь... Нет, не может человек со знанием латыни и старославянского махать флажком и кричать: «Свободная касса!» В школу, преподавать, говорите? Найдите любую вакансию, позвоните и спросите про зарплату. Дальнейших вопросов, я уверена, не последует.

Что дальше? Ответа нет. Я знаю только, что это собеседование вряд ли оправдало бы ожидания будущих выпускников. Помню, как года два назад читала эссе студентов гуманитарных факультетов о трудоустройстве. Наша кафедра тогда организовала конкурс письменных работ, обещая лучшим авторам стажировку в газете. Меня, аспирантку, включили в состав жюри. Я оценивала грамматику, орфографию, пунктуацию – в общем, соблюдение норм русского языка. Одно сочинение, написанное кем-то из филологов, храню до сих пор. Автор, кстати, стал победителем.

Проблема блат и связей в современном мире труда

Те процессы, которые происходят сегодня в области трудоустройства молодёжи, напрямую связаны с явлениями, случившимися в девяностые. В настоящее время, как и раньше, связи играют огромную роль, порой даже большую, чем образование. Мне доводилось слышать мнения людей, утверждавших, что им не слишком важны оценки в зачётке или специальность, на которой они будут учиться, – гораздо большее значение имеют знакомства, позволяющие найти хорошее рабочее место. Эти студенты дорожили своими связями и нередко напоминали о них, доказывая, что бессмысленно проводить время за учебниками, когда есть влиятельный дядя, готовый сделать племянника своим заместителем. Такой же позиции придерживались не только учащиеся, но и их родители, пытавшиеся всеми силами помочь своему ребёнку.

Почему люди мыслят именно так, почему они ставят блат и связи на первое место? Попробуем разобраться в этом подробнее. Для начала следует обратиться к истории слова «блат», которое появилось в советские времена, когда в стране был дефицит и когда многие товары доставали через знакомых, то есть по блату. Впоследствии лексема «блатной» стала означать возможность приобрести необходимые вещи с помощью связей и оказалась своеобразной характеристикой человека, который, будучи модно одетым, выделялся из толпы и привлекал всеобщее внимание. Затем слово «блатной» постепенно утратилось и заменилось определением «крутой». Современной молодёжи выражение «блат» режет слух и напоминает о советских временах, однако, поскольку это слово ещё не совсем исчезло из нашего язы-

ка, мы обязаны помнить его. В целом же «блат» и «связи» – это синонимы.

Мне кажется, те, кто думает о блате, просто пытаются оправдать свои провалы в учёбе, не хотят самостоятельно преодолевать все жизненные трудности и стремятся быстро занять место под солнцем. Задавшись своей целью, они могут прибегнуть к любым методам, не скупятся на взятки и лесть. Это, конечно, приносит свои плоды. Но всегда ли? Во-первых, человек, который устроился на работу при помощи связей, не совсем отчётливо понимает, какой труд его ждёт, и думает, что влиятельный родственник быстро исправит ситуацию. Хорошо, если родственник – это папа или дядя, работающий в этой же организации и всегда готовый помочь. А если нет? В этом случае молодой сотрудник сталкивается с целым рядом препятствий, которые не всегда легко преодолеть. Если у человека нет упорства или желания, если он не имеет силы воли, то не исключено, что его работа на новом престижном месте окажется недолгой.

Что касается взрослых, то они, на мой взгляд, тоже серьёзно относятся к связям и благу. Люди, лишившиеся работы по определённым причинам, обычно уже имеют какие-то деловые контакты, которые и используют, пытаясь трудоустроиться. Молодёжи в этом плане несколько труднее, хотя, наверно, самая тяжёлая доля достаётся не выпускникам вузов, а тем соискателям, чей возраст близок к пенсионному. Пытаясь найти постоянную работу, они часто сталкиваются с отказами, и тут огромное значение приобретают связи, которые, однако, не всегда помогают.

Впрочем, не всё так печально. В двадцать первом веке благодаря развитию техники резко увеличилась скорость обмена информацией. Людям больше не нужно ис-

кать объявления на остановках, им достаточно зайти в интернет, где имеется масса предложений от работодателей, готовых взять на работу умных и способных выпускников высших учебных заведений. Эти работодатели не всегда учитывают связи, их интересует скорее уровень образованности и грамотности соискателя, выявляющийся на собеседовании, когда в процессе личной беседы оценивают будущего сотрудника, который вполне может заинтересовать рекрутера, если имеет определённый набор знаний и умений. Из этого следует, что любой способный выпускник, изучив нужные сайты, может найти себе профессию по душе. Это на самом деле так. Я знаю массу примеров, когда мои знакомые отправляли свои резюме и через некоторое время успешно трудоустроивались, не обладая при этом связями. Чтобы перечислить их всех, понадобится масса времени, поэтому упомяну лишь о девушке, которая, работая в трёх местах, по разным причинам уволилась и осталась без дела. Чтобы не сидеть дома, она откликнулась на понравившиеся вакансии и уже через несколько дней поехала на собеседование. Эта девушка, кстати, имела неплохие связи, однако предпочитала искать работу сама. Данный факт, на мой взгляд, является очень показательным.

В заключение хочется отметить, что проблема блат и связей в современном мире труда, несомненно, существует. Она актуальна среди выпускников, которые только начинают свою трудовую деятельность и пытаются найти работу по душе. Одни пользуются имеющимися знакомствами, другие сами пробивают дорогу в жизнь. Так или иначе, у каждого из них свой путь, и главное – выбрать правильный. Взрослые тоже серьёзно относятся к связям и в случае чего пытаются ими воспользоваться, хотя, конечно, все соискатели имеют отличную возможность найти работу в интернете.

Написано весьма сносно. Особенно если учесть, что автор пока только студент. Смущает лишь категоричность высказываний. Впрочем, это объясняется попыткой учесть жанровый канон: требовалось сочинение-рассуждение.

С главной мыслью я согласна: связи решают всё. Мнение автора по частным вопросам более спорное. Хороших вакансий в интернете практически нет. Уровень образованности может стать минусом, если нужен исполнитель, а не руководитель. А то, как трудится чей-то ставленник, особенно если он, например, родственник директора, мало кого волнует. Работать за него будут те, кто устроится по объявлению.

Как жестоко действительность рушит юношеские мечты!

3 День влюблённых

Наступило четырнадцатое февраля – День влюблённых. Праздник этот никак не связан с христианской традицией, однако нашёл широкое признание у постсоветской молодёжи.

В школе, помню, в этот день всегда работала почта. Мы отправляли валентинки – записки с признаниями в любви. Посреди уроков заходил импровизированный почтальон и объявлял фамилии тех, кому послание. Какое счастье было услышать свою!.. Валентинки часто присылали анонимно, ещё чаще отправителями были близкие подруги, но радости это не умаляло. А у самой популярной девочки в классе Наташи к концу праздника на столе лежала настоящая гора из валентинок – можно было открывать свой магазин.

Профком решил организовать нечто подобное. Захожу утром на работу (да, меня трудоустроили уже наконец): шарики, музыка – всё как обычно, в общем. Предупредить заранее было, конечно, нельзя.

Отправляюсь к проректору, который является моим непосредственным руководителем. Алексей Степанович – хороший человек, вежливый и мягкий. Известный учёный. Годы в интеллигентской среде наложили отпечаток на его внешность. Толстые очки гармонируют с ровными усами и едва заметной сединой. Общаться с таким начальником всегда приятно. Есть, правда, одно большое «но»: он проректор по образовательным вопросам. И вся наша пресс-служба для него, видимо, лишняя головная боль. Он бы, скорее всего, и отказался, но не может. Нового проректора брать не хотят. Экономия, оптимизация, модернизация и всё такое. Так что теперь доктор технических наук осваивает сториз, слушает мои рассказы про флуд, лайки, хайп, директ, фолловеров. Старается, по крайней мере. Впрочем, сейчас многим нелегко. Вот моя тётя в банке вообще изучала мерчандайзинг. А ведь ей тогда было за пятьдесят. Пригодилось: в кризис её сократили. Теперь расставляет коробки в продуктивном магазине. Строго по законам мерчандайзинга.

В общем, захожу. Встречает секретарь, уставшая дама лет пятидесяти.

– Проходите, – говорит.

Я гордо открываю следующую дверь:

– Здравствуйтесь, можно?

– Доброе утро, Саша. Что-то случилось?

– Это... – пытаюсь разлепить заспанные глаза, – праздник, День влюблённых внизу организовали. Мне готовить материал?

– Умница, конечно.

– Как обычно, новость?

- Тебе виднее.
- Угу.
- Что-то ещё?
- Нет, я пойду?
- Хорошего дня!

Спускаюсь в холл. Ищу глазами Мишу: надо знать, что они затеяли. Нет, он куда-то ушёл. А окружающая атмосфера тем временем расслабляет: такое я вижу впервые, потому что, будучи филологом, училась в корпусе на отшибе и развлекательные мероприятия, организуемые в учебное время, были для меня недоступны. Наши активисты организовали импровизированный загс. Посредине холла – стол. Рядом – шарик. Громкая музыка. За столом грустно дремлет Оксана из профкома: ей зарегистрировать «браки». Сегодня все студенты могут в игровой форме узаконить свои отношения и получить свидетельство.

- Скоро начинаете? – спрашиваю её.
- После одиннадцати.
- Ещё два часа, что ли? А почему вы здесь уже? Холодно, – жалею я Оксану, которая сидит напротив входной двери.

- Сказали быть тут весь день.
- Понятно. А начальство ваше где?
- Девушка, вам что надо?
- Я из пресс-службы.
- А-а-а...
- Ага, – поворачиваюсь я спиной. Злая она какая-то.

Два часа у меня ещё есть. Возвращаюсь в кабинет. Работать мне сегодня лень. На улице снег, и дико хочется спать. Правый глаз всё время норовит закрыться. Беру за веки и держу – помогает слабо. В общем-то, может, отдать всё студентам? Отправляю СМС Лене с кафедры журналистики – обещает прийти. С чувством исполненного долга возвращаюсь в свой кабинет.

– Привет, – разрушает моё спокойствие Денис, начальник отдела по реализации молодёжной политики.

Отдел этот, по сути, занимается тем же, что и профком. С которым постоянно конкурирует. Я же отношусь хорошо и к Мише, и к Денису. А лавировать между ними становится всё труднее.

– Давно не виделись, – отвечаю я и невольно люблюсь собеседником.

Денис – выпускник юрфака. Всегда честен с окружающими. К тому же имеет такой тип внешности, который располагает к себе и всегда нравится женщинам. Качаный, с татуировками, ровными белыми зубами, одетый в строгий чёрный костюм, он сразу выделяется из толпы.

– Ты будешь писать про День влюблённых? – спрашивает.

– Конечно, – отвечаю.

Лицо собеседника становится мрачноватым.

– Скажешь, что мы тоже участвовали?

– Ты же знаешь, я всегда готова помочь. Но писать о том, чего не было...

– Да ладно, кто ж заметит?

– Все! Ты в курсе: у нас ректорат новости на сайте читает.

– Ну да... Извини.

– Да ничего.

– Саша, а ты уже брак зарегистрировала?

Неожиданный вопрос, однако.

– Да нет, с кем...

– А пойдём!

– С тобой?

– Я тебе что, не нравлюсь?

– Хах, я этого не говорила. Просто внезапно...

– Ну это же шутка, сделаем клёвое селфи! Или у тебя парень есть?

– Я так-то за. – Его предложение мне явно льстит. – Только почему я?

– А кто ещё?

– Вопросом на вопрос отвечаешь!

– Ты хорошо выглядишь сегодня.

Хоть кто-то комплимент сделал!

– Дай только я накрасюсь. По утрам лень, – отвечаю. – Да не отворачивайся ты, тоже мне джентльмен!

Выходим в холл.

– Давай, как в загсе, – хохочет он и подставляет локоть.

Принимаю вызов. Гордо поднимаю голову. Мы направляемся к столу регистратора. Чувствую взгляды студенток, которых в холле уже значительно больше: до перемены минут десять. Ну а что: вы студентки, а я тут работаю. Вдруг замечаю Мишу в углу. Стоит насупившись. Я нервно дёргаю руку.

– Слушай... Я передумала.

– Опять?

– В смысле?

– Помнишь, мы тебя звали в караоке. Потом в «Мафию». Ты соглашаешься, а потом не идёшь. Продолжать?

– Спасибо, не надо. Просто тут парень, который мне нравится.

– А-а-а, – хитро подмигивает. – За него замуж пойдёшь?

– Я не хочу потом с тобой разводиться, – убираю локоть.

– Если надумаешь – телефон знаешь, – хихикает.

Остаюсь наедине со своими мыслями. Звонок прерывает их. Большая перемена. Сейчас начнётся. Где же журналистка? Лена обещала прийти заранее. Набираю. «Я в пробке», – отвечает. Приплыли... Бегу в кабинет за фотоаппаратом и, перепрыгивая через одну ступеньку, об-

ратно. Диктофон забыла... Ладно, обойдёмся. Всё равно не успею уже: я работаю в другом корпусе, и идти туда надо через улицу.

Начинаю судорожно фотографировать. Кадры стандартные. Студенты подходят к столу, улыбаются, расписываются в журнале. Регистратор объявляет их мужем и женой, выдаёт свидетельство.

– Поздравляю, любимая, – целует какой-то парень в щёку девушку.

После женитьбы супруги направляются в буфет. Правильно, какая свадьба без банкета?

Рядом возмущается другая студентка: её милый уже вступил в брак.

– Ты понимаешь, она меня сама притащила, – оправдывается собеседник в очках. – Если откажусь, у кого потом лабы списывать?

– Но мы же с тобой встречаемся! Спасибо, хороший праздник!

– Так давай поженимся.

– Нет уж, спасибо. – Девушка злобно скрещивает руки на груди.

Ага, стола разводов тут явно не хватает.

К регистратору приближается Миша. Рядом с ним Лера из профкома. Моё настроение тоже сразу исчезает. Они расписываются, получают свидетельство, улыбаются. Снимаю на камеру. Нет, этот кадр я выставлять точно не буду.

Сзади кто-то хлопает по плечу. Лена приехала.

– Давай быстрее, – говорю. – Торжественной части ещё не было. Ты диктофон взяла?

Кивает.

– А фотоаппарат?

– Ага.

Оставляю всё происходящее Лене и растерянно поднимаюсь на третий этаж. От музыки трещит голова. Весь

день насмарку. Ходила, фотографировала, а материал теперь не мой. Сама, конечно, предложила ей. Но рассчитывала отдохнуть. Если уж работала, то хочется и подготовить текст. А тут ни отдыха, ни материала. И почему Лена опоздала? Да уж, хочешь что-то сделать хорошо – сделай это сам. Золотое правило.

Поднимаю взгляд: кажется, я пришла к Денису. Ноги сами привели.

- Эй, – заглядываю в кабинет
- Не прошло и года, – хохочет.

В голове что-то щёлкает.

- Я передумала, – говорю. – Пойдём свадьбу играть.
- Ха-ха-ха, а что твой благоверный?
- Ушёл.
- Как скажешь, принцесса.

Спускаемся. Праздник в разгаре. Какие-то конкурсы, песни. Уже преподаватели начали жениться. Хорошо, что медовуху не додумались принести... Из-за угла выглядывает любопытный охранник. Может, вахтёршу в жёны позовёт?

- Эй, ты чего? – теребит Денис за плечо.

Я опять задумалась.

- Устала.
- Развлечёмся. – Он подаёт мне локоть.

Довольные, подходим к столу регистратора. Всё как обычно.

– Поздравляем молодых, – возникает откуда-то Миша.

- Спасибо, – скажусь в ответ. – Пойдём, милый.
- Ох, и загуляем теперь, – обнимает за плечи Денис.

Мы уходим из коридора. Чувствую на себе тяжёлый взгляд сзади.

Отдохнуть в этот день мне не дали. Раз пять заходил Денис. Потом я инструктировала Лену. Выбирала фотографии для сайта. И снова отвечала на звонки. Люди явно путают нас со справочной. Меня просили назвать телефон приёмной комиссии, интересовались, где забрать диплом, как найти Анну Григорьевну... Всё, завтра удалю номер с главной на сайте, оставлю только почту.

Наконец Лена прислала текст. В первом абзаце значилось: «Открыл мероприятие доктор исторических наук Геннадий Марков». Работы у меня явно прибавилось. Придётся всё редактировать.

Стемнело. Небо покрылось звёздами. Они всегда располагают к мечтам. Вспоминаю сегодняшние «браки». Обидно... Глаза опять закрываются. Кажется, я засыпаю...

– Можно фотки скачать? – резко будит меня чей-то голос.

Миша. Сплю, что ли? Нет.

– Фотки? Свадьбу захотел распечатать?

– Вообще-то в соцсети кинуть надо.

– А-а-а...

– И давно ты с Денисом встречаешься?

– Я с ним не встречаюсь.

– А выглядело очень мило.

– Ты смотрелся не хуже.

– Мы с ней каждый год так женимся. Она главный организатор праздника.

– Пожалуйста, – дуюсь.

– Саш, у тебя ресница упала.

– Где?

– Подожди, я уберу, – протягивает руку к моему лицу.

Осторожно, тыльной стороной ладони смахивает что-то со щеки. Меня бьёт током; лёгкие мурашки вол-

нами пробегают по спине. Загипнотизированно смотрю в глаза.

– Вот. Держи. Две ресницы.

Да что ж сегодня за день-то такой!

4

Открытие коворкинг-центра

У нас отремонтировали буфет. Назвали его коворкинг-центром. Я долго хохотала.

Да, заимствования из английского – везде. Коворкинг-центр. Мерчандайзинг. Клининговая компания. Тимбилдинг. Хайп. Филологический слух это режет. Но именно филолог и понимает, откуда такие слова берутся. Всё просто: они воспринимаются людьми как более престижные. Уборщица – как-то некрасиво. Это вызывает осуждение. А иногда и насмешку. Куда лучше «сотрудник клининговой службы». Звучит не хуже, чем «менеджер отдела по связям с общественностью».

Да, англицизмы уже стали отличительным признаком русского языка двадцать первого века. Язык в той или иной степени отражает общественные изменения. Из этого отчасти следует, что по лексике можно определить эпоху, в которой вырос человек. Допустим, в наследство от двадцатых годов двадцатого века нам досталась гора сокращений, которые активно использовались в СССР. Аббревиация и усечённое словообразование процветали. Поколению же, родившемуся после развала Союза, термины «главбух» и «кухработник» всё-таки режут слух. Далее, «блат» – это явно из восьмидесятых: сказались застой, дефицит и так далее. «Приватизация» – уже девяностые. Ну а «хайп», «фолловер», «скиллы» – молодёжный жаргон десятых годов нашего века. И таких примеров тысячи.

Что будет дальше с этими заимствованиями? Трудно сказать конкретно. По общему правилу они или уходят в небытие, или вытесняют исконные слова, или меняют значение. Абсолютных синонимов язык не терпит – это один из законов лингвистики. Я думаю, нужно рассматривать каждый случай в отдельности. «Коворкинг» и «мерчандайзинг», например, ещё имеют особенную семантику и могут остаться в языке. Если, конечно, не смешивать коворкинг с буфетом. Ведь изначально коворкингом называли место для деловых встреч. А вот будущее слов «тимбилдинг» и «клиннинг» представляется мне туманным. В любом случае узнаем мы это через несколько десятков лет, не раньше. Хронология языковых трансформаций слишком растянута во времени и может измеряться столетиями.

Итак, к открытию коворкинг-центра (то есть по-человечески – буфета) мне поручили сделать новость.

Прихожу с утра. Миша, Денис – ага, все в сборе. Ждут ректора. Проректор по административно-хозяйственной деятельности Иван Матвеевич заметно нервничает. Проходящие мимо студенты останавливаются. Им интересно, что будет дальше. Где-то в углу тихо стоят рабочие.

Дальше было всё по плану.

Пришёл ректор.

Сказал, какие все молодцы.

Аплодисменты.

Открыли дверь.

Перерезали ленточку.

Все свободны.

– Ты напишешь? – спрашивает Миша.

Задумчиво киваю. Мне ещё фотографировать всё изнутри. Ремонт там неплохой. Сделали всё в духе минимализма. Поставили колоритную мебель из «ИКЕИ». Купили неоновые лампы. Взяли буфетчицу, раньше продававшую чай в другом корпусе. Я её знаю.

- Привет, – говорю. – Теперь на новом месте?
- Угу. Как твои дела?
- Видишь, работаю.
- Булочку?
- Извини, я не ем сладкое.

Вся еда лежит в открытом доступе на тарелках. Один раз я видела, как в другой столовой летом ползали мухи. Сейчас, конечно, зима, но всё равно противно. Моя собеседница теряет всякий интерес:

- Как хочешь.

Начинаю снимать. Студенты уже пришли. Делают селфи, пьют кофе. Увидев профессиональный фотоаппарат, закрываются руками.

- Улыбнитесь, пожалуйста, – говорю.

– А нечего меня фоткать, – заявляет какой-то прыщавый мальчик в очках.

– Так уйдите. Я из пресс-службы, мне нужно сделать несколько кадров.

- Сами и уйдите.

Опять грубость.

Еле-еле ловлю нормальный сюжет.

Любителей селфи тем временем явно прибавилось. Кажется, у меня есть идея. Надо запустить конкурс. Сделай фото – получи магнитик. Заодно подписчиков в корпоративном аккаунте станет больше.

А пока хорошо бы отдохнуть. И домой. Тяжело опускаюсь на диван и закрываю глаза. Мне опять хочется спать.

Да, время в столовой летит незаметно. Место потребления еды, как бы оно ни называлось: буфет, столовая или даже коворкинг-центр, – всегда особенное. Тут можно писать конспекты, обсуждать новости, листать соцсети, знакомиться.

Качеством столовой измеряется всё учреждение. От школы у меня вообще осталось только два приятных

воспоминания: буфет и спортзал. В университете было лучше, но обедать на коротких переменах я не успевала. «Саш, прожуйте, тогда и отвечайте», – заявлял, весело подмигивая, лектор по культурологии. «Мне очень тяжело ставить вам автомат. На задних партах вы часто жевали сосиску в тесте», – говорила тётенька по истории.

Конкурс удался.

Я получила три нормальных селфи.

На четвёртом вместе с буфетом запечатлели грязный коридор привокзального типа.

Ещё один кадр был от пожилой сотрудницы. «Хочу участвовать. Да, и мы, взрослые, туда же», – написала пятидесятилетняя тётенька. Яркий макияж на её лице сливался в одно красно-синее пятно.

Апогеем стал снимок засохшей булки, из которой торчал заметный огрызок пупырчатой кожуры. Изобретательностью автор явно не был обделён. «Всегда нравилось участвовать в конкурсах с фотками. Но в этот раз я хочу воспользоваться моментом и пожаловаться. В этом году в универе буфеты и столовые преобразовали до лухари¹ уровня. Круто. Но, видимо, этот ремонт сказался на качестве еды. Жаль! Верните самые вкусные на свете курники без перьев и кожуры! Профсоюз, возьмите на контроль!» – гласила подпись. Комментарии тоже были соответствующие: «Без фарша один хлеб – это невкусно», «Не курник, а подушка», «Заставить самих жрать такое», «Сталина на них нет». Профком отозвался: «Напишите заявление». – «Мне лень и некогда», – парировала девушка.

¹ От англ. *luxury* – роскошный, шикарный.

На этом конкурсы в соцсетях закончились. С чувством выполненного долга я отправилась домой.

Мой дом – съёмная квартира. Однокомнатная, без коворкингов, зонирования. Дизайнер сошёл бы тут с ума.

Квартиру я не меняла уже больше трёх лет. Получив диплом о высшем образовании, сразу решила, что хочу жить одна. Четыре года мы делили комнату с подругой, которая заводила то кошек, то собак. Оставить вещи хотя бы на месяц Карина мне не разрешила. Одежда, подушки, микроволновка, лампа, книги – всё было транспортировано за сто километров от города, к родителям. Сложив пакеты в комнате и на балконе, я отдыхала ровно неделю, а потом, вздохнув, начала искать жильё.

О это чувство бессилия! Оно знакомо всем, кто посмел зауглить «Снять квартиру в городе N. от собственника». Вместо собственников – риелторы. Вместо квартир – нечто похожее на сарай.

Один раз мне пытались сдать малосемейку, то есть жильё с общей кухней по цене однокомнатной.

Другие собственники не стали общаться. Пообещали встречу, а на следующий день бросили трубку, сказав, что арендаторов уже нашли. Я приехала ради этой квартиры из села. И встала в пять утра.

Риелторы убеждали, будто за десять тысяч в Советском районе однушек нет. Собственники матерились: желающие снять измучили звонками.

Промаявшись две недели, я решила, что лучше спрашивать у знакомых. Написала красивое объявление в соцсетях и разослала всем. Как ни странно, это помогло. Квартира нашлась.

Кажется странным, что арендодателей называют хозяевами. В этом есть нечто рабское. Он господин, а ты холоп. Впрочем, учитывая отношение к квартиросъёмщикам, ничего странного.

Сразу оговорюсь: мне с хозяевами повезло. Интеллигентная семейная пара.

– Холодильник новый. Сантехнику поменяли. Мы не будем к вам ходить. Возьмите ключи и договор, – сказал Артём.

– Всего хорошего, Сашенька! Звоните, если что, – добавила Маша.

На этом они ушли.

В течение следующих трёх лет желание съехать возникало по другим причинам. Меня замучили бытовые проблемы.

Сначала в квартире появились осы. Они пробирались через старый балкон. Некоторые застревали между стёклами и погибали от голода. Другие ползали по квартире. Проблема исчезла сама через год. Возможно, кто-то обработал фасад.

Гораздо больше неудобств доставляли комары, летавшие с мая по октябрь. За ночь я убивала до пятнадцати особей. Два года жизни с фумигатором изрядно вымотали нервы. Потом комары, как и осы, пропали.

Далее моё терпение испытывали соседи, которые вывели график уборки подъезда. Мыть полы я не собиралась. С соседями перестала разговаривать.

Через полгода в квартире заклинило дверь. Это сломался входной замок. МЧС решили не вызывать. Артём освободил меня сам, но взаперти я просидела целый день. И к тому же чуть не опоздала на зачёт – хорошо, что он был вечером.

Зимой в подъезде обосновался бомж и сломался лифт. Соседи начали курить в туалете. Вентиляция практически

не работала. Запахи тянуло ко мне. С учётом отсутствия в квартире межкомнатных дверей это была катастрофа.

В апреле ЖЭК заварил мусоропровод, потому что тот постоянно ломался. Формально это было сделано под предлогом ремонта. Фактически от нас просто отмахнулись. Ближайшие мусорные баки располагались в нескольких кварталах. Я носила туда мешки объёмом сто двадцать литров. Закидывала их на спину, как Дед Мороз на новогодней открытке.

Вскоре от короткого замыкания упала люстра. Собственно, это был мой неудачный опыт замены лампы накаливания.

Протекал стояк. Хулиганы резали провода от интернета. Горячая вода регулярно отсутствовала. Холодная лилась струйкой толщиной с мизинец...

Апогеем кошмара стала летняя жара. Оказалось, что квартира находится с восточной стороны. Солнце палило уже с шести утра. Спать было невозможно. Через маленькую форточку ничего не охлаждалось. В октябре деревянное окно заменили пластиковым – теперь можно было открывать настежь.

Со всеми бытовыми трудностями я смирилась. Привыкла. Целыми днями работала в офисе. Жаркое лето старалась проводить у родителей. Но на третий год приехали новые соседи, которые гремели сутками. Мешали отдыхать и ночью, и по утрам. Чем они там занимались, доподлинно неизвестно. Иногда я дремала за компьютером. Иногда, как сегодня, – в буфетах, коворкингах, фуд-кортах. Мечтала о частном домике. Лучше где-нибудь в деревне.

Знакомые жаловались на аналогичные проблемы...

Люди! Как вы живёте в мегаполисах?

Восьмое марта

Праздник Двадцать третье февраля наша редакция как-то упустила. Материал никто не просил, а инициативу мы не проявляли. А игнорировать Восьмое марта не получилось. Вызвал меня Алексей Степанович.

– Саша, – говорит. – Хочу попросить вас набросать материал.

– К празднику? – спрашиваю. – Может, лучше к студентам тогда обратиться? Мальчикам?

– Нет, мне именно ваш стиль очень нравится.

Да, здорово, у меня праздник, и мне ещё работать. Вслух произношу:

– Хорошо, конечно. А в каком виде вы хотите?

– Вы лучше в этом понимаете. Поздравление какое-нибудь?

– То есть ваше?

– Если можно, и ректора.

– А это... – задумываюсь. – Несколько поздравлений, как вариант?

– Несколько? Прекрасный вариант!

– А кто поздравлять будет? Вы, ректор, Анастасия Дмитриевна?

– Нет, женщин-деканов не трогаем. Давайте только к мужчинам обратимся.

Ага, а меня трогать можно.

Возвращаюсь на рабочее место, открываю сайт и начинаю искать кандидатуры. Нервно обзваниваю собеседников. Соглашаются, как обычно, не все. Один декан в командировке, второй резко говорит, что занят. Ну и ладно, без вас обойдёмся.

Первым откликается декан факультета международных отношений. С ним я ещё не общалась ни разу, это бу-

дет первое знакомство. Быстро накидываю куртку: идти придётся в другое здание.

В нужную дверь меня сначала не пустили.

– Вы к кому? – рявкнула секретарша.

– К Игорю Евгеньевичу.

– Он занят.

– Понимаете, я журналист. Мы договаривались насчёт интервью.

– Подождите в коридоре.

– Хорошо, – отвечаю.

Выхожу в грязный холл. Ёжась, застёгиваю куртку. Тут явно не больше пятнадцати градусов. С тоской достаю телефон. В ленте маячит счастливое лицо Дениса. На почте у меня три новых письма. Погода морозная, ожидается снег. В регионе увеличилось число заболевших ОРВИ... Стоп, прошло уже двадцать минут. Они издеваются? Заглядываю:

– Игорь Евгеньевич не освободился?

– Я же сказала: нет! Вы мне мешаете работать! Хватит сюда заглядывать! Расхлебенила тут дверь – и давай ширь-пырь! Он вообще в другом кабинете!

Да, судя по лексике, тётя явно родилась не в городе.

– Как «в другом»?

Молодцы, проинформировали...

– Ушёл в бухгалтерию.

– Что ж вы сразу-то не сказали?

– Так общаться вы здесь будете!

Железная логика! Отправляюсь в бухгалтерию. Вежливо стучу. Приоткрываю дверь. В кабинете – пять девушек и один мужчина, которому далеко за шестьдесят. Несложным методом дедукции понимаю, что это тот, кто мне нужен.

– Игорь Евгеньевич, это Александра, я вам звонила насчёт интервью.

– Подождите в коридоре. Я занят. Работаю.

Работает он. А я, значит, ерундой занимаюсь. В углу кабинета замечаю стол, на котором красуются немытые чашки и разрезанный торт.

Прислоняюсь к стене. Здравствуй, интернет, давно не виделась...

Дверь отворяется резко и сильно. Игорь Евгеньевич, с трудом переступая с одной ноги на другую, выкатывается наружу.

– Пойдём.

Хватаю вещи и направляюсь за ним.

– Меня не трогать, – бросает он секретарше на входе.

Я присаживаюсь на кожаный диван. Собеседник устраивается рядом. Наклоняется ко мне почти вплотную. Инстинктивно отодвигаюсь: всё-таки личное пространство каждый ощущает по-своему.

– Начнём? – спрашиваю.

В ответ он выдаёт:

– Одежду надо оставлять в гардеробе.

– Что?

– Мы тут студентов учим, чтобы на лекциях в куртках не сидели. А сотрудники в пуховиках ходят. Какой пример?

– Понимаете, я работаю в другом корпусе. И мне потом возвращаться. Вдруг гардероб будет закрыт?

– Ничего не будет.

– Извините, но они часто объявляют технический перерыв. А у меня слишком много работы.

– Добежишь, не замёрзнешь.

Сколько уже можно! На улице, однако, семнадцать градусов мороза. Я, пока тебя ждала, прогноз на весь месяц вперёд выучила! И кому из студентов нужен этот пример? Кто вообще увидит? Меня в толпе до сих пор со студентами путают. Отопление надо регулировать в аудиториях

по-человечески. И с какой стати я за тобой вообще целый час бегала? Что за неуважение к людям?

Вежливо вздыхаю. И произношу совсем другое:

– Извините, пожалуйста, больше не повторится. Может, начнём интервью?

– Давай, я готов.

За десять минут Игорь Евгеньевич наговорил на целую страницу. Достаточно.

Вторым моим собеседником стал проректор по научной деятельности Владислав Игнатьевич. Общение было недолгим.

– Я назову вам людей, которых хочу выделить. А вы там придумайте что-нибудь, – заявил он. – Орлова, Маркелова, Вахрушина...

– Может, более развёрнутый комментарий? – спрашиваю.

– Что сказать... Это... Эмм... У нас работают прекрасные женщины, многие тесно связаны с научной деятельностью. Их разработки очень важны для университета. Что ещё... Хочу поздравить всех женщин. А особенно тех, кого уже назвал. Вы же на диктофон записали?

– Да, конечно, – отвечаю.

Я выхожу расстроенная. Спикеры говорят одно и то же.

– Саш, привет, – выводит меня из оцепенения Миша. Его оценивающий взгляд задерживается на моём лице и устремляется куда-то вниз.

Дорогой, я не манекен и не товар на рынке!

– Здравствуй, – отвечаю.

После наших «свадеб» четырнадцатого февраля мы как-то не общаемся.

– Ты чего в гости не заходишь?

– Заработалась.

– Может, кофе? – подмигивает.

- Давай, – устало отвечаю.
- Что ты такая заторможенная? У проректора была, нагрузили?
- Можно и так сказать. К Восьмому марта готовлю поздравления, комментарии собираю.
- И как?
- Пока два собрала.
- Интересного много?
- Угу. Перечислил фамилии и сказал самой разбираться.
- А кого назвал?
- Орлову, Вахрушину, Маркелову.
- Вахрушину? – хохочет Миша. – Ну конечно, её попробуй не назови – всех достанет. А почему у меня комментариев не хочешь взять?
- У тебя?
- Я, на минуточку, всё ещё возглавляю профком.
- «Всё ещё»? Уходить собрался, что ли?
- Не... Но ты знаешь, сколько на это место всегда желающих?
- К счастью, нет. Только представляю. В общем, согласна!
- Приходим к нему. Включаю диктофон, нажимаю кнопку записи.
- Стоп, – говорю. – Давай ты всё, что хочешь сказать, напишешь и пришлешь мне на мыло?
- Как тебе удобно. Тогда по кофе?
- Мне лучше чая, зелёного.
- А ты в курсе? У Дениса есть подруга теперь. Встречаются.
- Нет. И зачем ты вообще мне это говоришь?
- Просто так.
- Просто так даже мухи не летают. Ладно. Что у тебя нового?
- Ничего. Работаю. А у тебя?

– И у меня.

Очень содержательный диалог. Нам, оказывается, и поговорить не о чем. Медленно поднимаюсь.

– Извини, я бы с тобой ещё пообщалась с огромным удовольствием. Но мне надо срочно за компьютер.

– Много работы?

– Ага. Думаю, закончу поздно. Опять по темноте домой, – мягко намекаю на то, что не против личного такси.

– Да. Дел у всех много, – слышу в ответ.

Злая, я выхожу из кабинета.

Нет, первых шагов, видно, не дожидаться. Хотя, может, я и не интересна ему вовсе? Надо забыть всё это. Сублимировать. Творчество – лучший способ... Напишу что-нибудь пафосное!

В век глобальных информационных технологий праздник Восьмое марта приобретает особенное, сакральное значение. Рушатся традиционные устои, меняются приоритеты, развивается мир, однако именно сегодня мы вспоминаем о том нежном отношении к женщинам, которое берёт своё начало в глубине веков.

Мне, филологу, хотелось бы в этот день сказать, что образ женщины в литературе всегда воспринимался по-разному. Верная Татьяна Ларина, честная Ольга Ильинская, роковая Настасья Филипповна, благородная Наташа Ростова... Примеры можно продолжать бесконечно, но нельзя не отметить, что всех героинь объединяет одно – искренность, с которой их описывают авторы, будто прикасаются к святыне.

Сейчас трогательное отношение к женщинам встречается редко, а как приятно услышать его отголоски морозным весенним утром! Поздравления с Восьмым марта от сотрудников университета оказались именно тем необыкновенным средством, которое выводит из оцепе-

нения и заставляет подумать о вечном, непреходящем. Каждое из них – уникальное, трогательное, наполненное нежностью и теплотой, столь необходимыми женщинам после долгой зимы.

Особенно запомнились слова проректора по научной деятельности Владислава Степанова: «В нашем университете работают прекрасные женщины. Все они: преподаватели, административные работники, вспомогательный персонал – так или иначе связаны с научной деятельностью. Они проявляют удивительный энтузиазм и готовы трудиться на благо родного вуза. В преддверии Восьмого марта я бы хотел поздравить каждую из них с этим замечательным днём! И лично отметить достижения заведующей кафедрой античной истории Елены Витальевны Орловой, а также профессоров Натальи Игоревны Вахрушиной и Марии Александровны Маркеловой».

Всего наилучшего желает сотрудницам университета декан факультета международных отношений Игорь Волков, который говорит: «В день Восьмое марта я от всей души хочу поблагодарить наших женщин за нелёгкий труд на благо родного вуза. Вместе с вами мы становимся сильнее. Новых вам карьерных достижений, успешных начинаний! Пусть каждая из вас будет счастлива!»

Не остался в стороне и глава профсоюзной организации студентов Михаил Сафин, который выразил надежду на то, что весна подарит всем не только тепло, но и вдохновение: «Я от души поздравляю всех сотрудников и студентов. Впереди – весна, а значит, обновление, радость. Нам с вами предстоит организовать и провести масштабное мероприятие – “Студенческую весну”. Искренне верю, что в этом году у нас всё получится, и надеюсь увидеть новые лица среди профсоюзных и творческих активистов!»

В заключение отметим, что, несомненно, каждый из мужчин готов был бы назвать всех женщин, работающих в нашем университете, и поздравить их с этим замечательным праздником. Всё сказанное лишь малая часть пожеланий. Остальное будет произнесено позже, в тёплой компании, и остаётся надеяться, что добрые слова и красивые подарки помогут женщинам ощутить ту нежность, которая так необходима им после долгой зимы.

6

Кинематографический фестиваль

Отдел Дениса решил, что студентам надо просвещаться, и организовал фестиваль авторского кино. Меня две недели просили сочинить «что-нибудь». Это было вполне ожидаемо. Я помнила о литературных успехах Дениса: новость про «окровавленных доноров» мы случайно загрузили в интернет. В общем, никто не стал рисковать, и информационное сопровождение поручили мне. Издали соответствующий приказ.

– Снова ты мне покоя не даёшь, – захожу я в кабинет Дениса утром.

– Сашуль, не ной. Давай селфи!

– А у нас не слишком много совместных фоток? Тебя благоверная ревновать не будет?

– Ты откуда знаешь? – хохочет. – Следишь за мной, что ли?

– Добрые люди подсказали, – ухмыляюсь.

– Ну раз добрые, тогда я спокоен. Да ей пофиг, не заморачивайся. Мы так, чисто поржать с ней. Скучно что-то. Погоняем, и ладно. Вот ты для меня как сестрёнка.

– Сейчас я покраснею, – отвечаю. – Хотя сколько лет мы с тобой общаемся?

– Ты ещё на втором курсе была. Я на четвёртом учил-ся. Помнишь?

– Ещё бы! Такое не забывается.

С Денисом мы познакомились в столовой (тогда она ещё не была коворкингом, а Денис – начальником отде-ла). Меня довели до истерики одноклассники, и, утирая слёзы, я прихлёбывала сладкий чай с валерьянкой. Он, заметив размазанную по лицу тушь, бросил есть и начал успокаивать. Уже через час мы покупали билеты в кино, а через три – кормили белочек в парке.

– Ты лучше скажи, кто тебе нравится? Я его знаю? А то, может, он бабник там какой-нибудь?

– Как раз потому, что ты его знаешь, и не скажу. Да и не нравится больше. Надоело.

В последнее время я сама не понимаю, чего хочу. Ин-тересы и увлечения меняются ежедневно. Где-то читала, что после двадцати пяти наступает кризис среднего воз-раста. У меня в двадцать шесть, наверно, кризис, только не возраста, а самоопределения. Два высших образова-ния (филолог и юрист), аспирантура, а чем заниматься в жизни, непонятно.

– Заинтриговала меня! – подмигивает Денис.

– И ты тоже! Я тебя уже спрашивала: как мы на фести-валь поедем? Он же в другом корпусе. Я не хочу по гря-зи туда идти. Апрель на дворе. А транспорт, сам знаешь, не ходит. Машины у тебя нет же.

– А прогуляться ты не хочешь, Саш? Стройнее будешь.

– Я что, по-твоему, толстая, да?!

– Да я ж любя!

– Спасибо, – демонстративно складываю руки на гру-ди и отворачиваюсь к окну.

– Что ж ты всё так близко к сердцу принимаешь, – тро-гает за плечи Денис. – Я попробую решить этот вопрос.

– Уж попробуйся. У меня кроссовки новые.

– Опять Adidas купила? Ты на каблуках ходить не собираешься совсем?

– На каблуках? Асфальт носом подметать? Или паркет? У нас тут все полы скользкие. Знаешь же, что я спотыкаюсь даже в кедах.

Я действительно падала везде, где только можно. Углы и ступеньки становились проблемой. Особенно тяжело было зимой, когда скользко. Денис несколько раз собственноручно вытаскивал меня из лужи. В одну из них я умудрилась рухнуть вместе с мешком продуктов.

– Как хочешь. Только нас шпильки привлекают. Глядишь, так и замуж выйдешь.

– Тебе работать не пора?

– Не. Я уже настроился на банкет, – разворачивается собеседник к двери. – Жди, скоро буду.

Через полчаса Денис является воодушевлённым. Он уже сменил джинсы на деловой костюм. А ему идёт, однако...

– Сань! Я нашёл, прикинь! Поедем на маршрутке!

– Круто, слушай! Это нам специально выделили? Откуда ты её взял? У нас что, таксопарк в универе? Маршрутки есть? – забрасываю его вопросами. Никак не могу избавиться от привычки спрашивать обо всём кучей.

– Эта «газель» какую-то технику повезёт. Обещали нас взять. Тебе пятнадцать минут на сборы.

– Зачем так рано? До открытия ещё час.

– Ну и ладно. Приедем. Отдохнём. Ты же сама не хочешь пешком. Выбери одно из двух.

– Тогда уж поехали, – начинаю хаотически бегать по кабинету.

Сумка, фотоаппарат, косметика, диктофон... Мой друг терпеливо ждёт.

Выходим. Старая облезлая машина ожидает у входа. Улыбающийся небритый водитель покидает своё место

и добродушно открывает заднюю дверь. Бокового входа в этой маршрутке не предусмотрено, как и сидений. Нашему взору предстаёт закрытая кабина, заваленная старыми шинами, грязными вёдрами и мониторами. Посередине возвышаются системные блоки от компьютеров. Судя по внешнему виду, ими пользовались на заре техногенной эры.

- Э-э-э... Что? – поворачиваюсь я к Денису.
- Залазь давай быстрее.
- Сюда? Как я здесь поеду?
- Вон сядь на ведро или шину.
- Ты издеваешься, да? Я боюсь вообще-то замкнутого пространства.
- Я тебя за руку подержу.
- Не знаю, – стою в нерешительности.
- Хотя подожди-ка... Эй, а спереди можно? – спрашивает он у водителя.

Тот охотно кивает. Мы быстро занимаем места рядом с водительским сиденьем. Нельзя было сюда позвать? Из подвала выходят двое рабочих, которые будут сопровождать технику в задней кабине. Видимо, с ними нас и перепутали.

Трогаемся в путь.

На ухабах грунтовой дороги машину подбрасывает вместе с моими кишками. Сначала опускается «газель», затем – внутренности. В самом крутом месте я невольно хватаю локоть Дениса. Ему тоже явно не по себе. В общей сложности за десять минут дороги нас перетрясает раза четыре.

– Приехали, – громко заявляет водитель. Кажется, сейчас он добавит: «Оплачиваем за проезд!» А меня передёрнет от безграмотности.

Автоматически достаю кошелёк. Денис теребит мой пиджак:

– Ты выходить будешь?

Поняв комичность ситуации, начинаю хихикать.

– Саш?

– Подожди, – выскакиваю я из кабины. – Я двадцать пять рублей отдать собиралась за билет. Совсем крыша едет.

– Он не отказался бы, я уверен, – заливается смехом Денис. – Идём уже.

Водитель отправляется к узникам задней кабины. А мы подходим к старому корпусу факультета искусств.

Здание расположено в историческом центре города, рядом с одним из крупнейших шоссе, и окружено частным сектором. Горлающие петухи, бродячие собаки и одноэтажные дома создают тут неповторимую сельскую атмосферу. Печальная романтика дополняется отсутствием регулярных транспортных маршрутов: до ближайшей остановки идти минут восемь через старое футбольное поле. Сам фасад не ремонтировался уже полвека и серьёзно изнашивается от времени. Новые пластиковые окна среди обшарпанных стен выглядят особенно антагонистично. Говорят, раньше тут была школа. Сейчас – вуз. Меняется суть, приходят новые люди – форма вещей остаётся та же. Многих преподавателей, когда-то работавших здесь, вероятно, уже нет в живых, а здание по-прежнему цело. Человеческая жизнь течёт слишком быстро, материя более стабильна. Вернись я сейчас в родной детский сад – и там всё будет по-старому...

Минорные размышления прерывает Денис, который указывает на толпу журналистов с видеокамерами. Возвращаясь в реальность, я понимаю, что работы предстоит много. На фестивале авторского кино сегодня заявлены три фильма, каждый почти на два часа. А перед этим будет открытие, где выступят ректор и почётные

гости. Моя задача – подготовить новость и сделать фото (уж как-нибудь справлюсь с этой зеркалкой). Кино смотреть необязательно: пусть это счастье останется Денису. Мне хватит аннотаций из программы.

Коридор возле актового зала уже переполнен студентами. Большинство из них фотографируются около тематического баннера. Делаю несколько снимков. Мне с удовольствием позируют.

– Где можно будет потом фотки скачать? – спрашивает интеллигентный парень в очках.

– В группе «ВКонтакте», – отвечаю заученной фразой.

– Ой, а может, вы мне на почту пришлёте? Или в личку? Я хочу оригиналы.

– Давайте. Найдите меня «ВКонтакте». Александра Привалова.

– Александра... Как?

– Привалова.

– При-ба-ло-ва?

– Молодой человек, давайте я сама наберу, – говорю. Слишком часто мою фамилию путают. Типичная ситуация. Лучше сразу перехватить инициативу.

На экране моего смартфона появляется новый запрос на добавление в друзья. Приняв его, грустно вздыхаю. Таких «друзей» у меня больше сотни. Когда-нибудь они все сами удалятся. Как удаляются сейчас школьные знакомые... Для меня же отправлять фотографии – лишняя работа. Но и отказывать людям неловко.

– Пошли, ректор приехал, – выбегает из зала Денис.

– Где? Я его не видела.

– Он с другого входа.

Начинается открытие. Меня опять клонит в сон... Увы, спать нельзя: я сегодня ещё и фотограф. Ректор, какие-то иностранные гости, потом декан... Вынесли хлеб-соль... Подарки... Гигабайты памяти наполняются снимками. За-

писывать выступающих на диктофон уже нет возможности. К счастью, программа от Дениса у меня в сумке.

Фотографировать в последнее время мне нравится всё больше. На цыпочках хожу между рядами, наклоняюсь, чтобы не мешать людям, а иногда, для пушшего эффекта, сажусь на лестницу у сцены. Зеркалка на шее, волосы, чтобы не мешали, забраны в хвост – настоящий папарацци.

– Саш, – подкрадывается откуда-то сзади Денис. – Всё нормально?

– Да, – говорю. – Всех сфоткала уже.

– Сделай побольше кадров, плиз. А то скоро пауза. Разбегутся все.

Как только объявляют перерыв, зал действительно сразу пустеет. Всем хочется попробовать бесплатные сладости.

Выхожу за толпой.

У дверей зала установлены парты, которые ломаются от яств. Кофе, печенье, чай.

– Тебя где носит? У нас пресс-подход, – хватает меня за руку Катя.

Катя работает в отделе Дениса и занимается как раз организацией мероприятий. Всё, что мы наблюдаем сегодня, – плод её труда. Денис только координирует процесс.

– А Ксюши не будет, что ли? – ищу глазами другую коллегу. – Если пресс-подход, то где она? Не вижу её.

– Она приболела немного.

– Угу.

Возле стенда, на фоне которого недавно с таким удовольствием фотографировались студенты, улыбается ректор. Рядом с ним – тесный полукруг из журналистов. Пробраться сквозь кольцо операторов и никого не задеть – целое искусство. Чуть-чуть наглости тоже не по-

мешает. Аккуратно орудуя локтями, проникаю в самый центр. Кто-то наступает на ногу. Да что ж такое, кроссовки новые! Но возмущаться так, как я это обычно делаю в транспорте, не решаюсь.

Увидев меня с камерой, Пётр Александрович сразу поворачивается всем телом. Молодец, знает, кому позировать.

Подходят иностранные гости.

– Друзья, наш пресс-подход можно считать открытым, – анонсирует Денис. – Слово предоставляется ректору.

– Господа журналисты, – откликается тот заученной фразой. – Мы рады приветствовать вас в стенах нашего университета. Наш фестиваль посвящён весне. Сегодня мы покажем три фильма, где так или иначе снято это прекрасное время года. Каждый из них специфический, оригинальный. В создании фильмов участвовали выпускники нашего факультета искусств, в здании которого мы сейчас находимся. Мы благодарны нашим иностранным гостям. Они приехали для стажировки на этот факультет. И любезно согласились посетить мероприятие. По итогам на факультете состоится международный colloquium. И там все картины мы будем обсуждать. Наверно, это всё... Ждём ваших вопросов.

– Как возникла идея фестиваля? – тут же интересуется девушка, стоящая рядом со мной.

– Понимаете, у нас факультет искусств. Мы готовим режиссёров, кинокритиков, сценаристов. И решили показать, на что способны выпускники. К сожалению, они прийти не смогли. Но мысленно сейчас с нами.

– А что за фильмы, кто снимал? – спрашивает интеллигентный парень в очках.

– Обо всём этом вы можете узнать из нашей программы. Если вам не досталось, обратитесь к Денису Михай-

ловичу, он поможет. – Ректор делает жест в сторону моего коллеги.

– Вам понравилось открытие? – не унимается первая девушка.

– Конечно, мы всё организовали так, как запланировали.

– А не думали сделать фестиваль традицией? Его же впервые организовали?

– Мы обсудим это. Денис Михайлович, вы как считаете?

– Наверно, отличная идея, – улыбается тот.

– А как соблюдались авторские права? Для показа вам, наверно, требовалось какое-то разрешение? – ехидно смотрит на ректора бойкая журналистка с дредами.

Денис бледнеет. И выдаёт:

– Конечно, соблюдались, не сомневайтесь.

– А как именно? Есть разрешение от правообладателя? Кто является правообладателем?

– Девушка, мне кажется, этот вопрос немного по другой теме. Давайте поговорим о содержательной части, – вмешивается Пётр Александрович.

– Хорошо, – успокаивается она. – Во сколько обошлось финансирование?

Тут нервничать начинает уже сам ректор.

– Конкретную цифру я вам сейчас не назову. Во-первых, я её не помню. Во-вторых, это коммерческая тайна, уж извините. Поверьте, мы на каждое мероприятие урезаем бюджет до минимума.

Молчание.

Я давно уловила, что на провокационных вопросах общение с журналистами обычно заканчивается. Известные мне пресс-конференции только подтверждали это.

Все культурно ждут. Нужна пауза вежливости. Минуты через две Пётр Александрович радостно произносит:

– Наверно, на этом наш пресс-подход стоит завершить. Спасибо всем за внимание.

Молодец, даже не поинтересовался, остались у кого-то ещё вопросы или нет. Иначе можно нарваться. Хороший у нас всё-таки ректор. Пусть иногда слишком мягкий, но искренний, открытый. Работать с таким – одно удовольствие.

Одновременно с пресс-подходом заканчивается и кофе-брейк. Возвращаюсь в зал. Студенты почти отсутствуют. На открытие их, видимо, привели в добровольно-принудительном порядке.

– Класс, – подхожу я к Денису. – Кого мне фоткать?

– Погодь, может, ещё опаздывают.

– Да, конечно.

– Тогда хоть кино посмотрим?

– Ты знаешь, я устала! Мне сегодня надо вернуться, фотки скинуть, текст написать. И отдать Ане, чтоб на сайт поставила.

Аня – это наша техническая сотрудница. Совмещает работу с учёбой, официально трудоустроена на полставки, но на мои звонки отвечает круглосуточно.

– Саш. Полчасика. Ради меня, за компанию.

– Если только ради тебя, – присаживаюсь.

Гаснет свет. На экране бегут титры.

Моей ладони касается что-то холодное и чужое. Кажется, это рука Дениса. Этого мне только не хватало... Отдёрнуть недостаёт воли.

Дальше события развивались по нисходящей. Всё хуже. Сначала в гардеробе потеряли мою шапку. Потом обрызгала машина. (Эта дорога между корпусами невыносима, с Денисом на «газели» было куда лучше.)

Наконец, текст не получался совсем. Я думала только про Дениса.

Кое-как соорудив новость, отправила Ане. Она выставила. А через пять минут зазвонил телефон.

– Александра Дмитриевна?

– Здравствуйте.

– Вас беспокоит Галина из отдела протокольных мероприятий.

Эта Галина часто присылает мне новости. Она даже есть у меня в соцсетях. Однако постоянно возникают какие-то претензии. Зазналась, что ли?

– Я поняла, – отвечаю спокойно, предчувствуя бурю.

– Вы почему мне текст не прислали?

– Какой?

– Про фестиваль.

– Понимаете, он же организован молодёжным отделом, я с ними согласовала. У вас какие-то вопросы?

– Да. С программами – мы. Всегда нам присылать надо! Всегда! Теперь на сайте фамилия исковеркана.

– Так я же из программы списала... Какая фамилия?

– В программе было неправильно! Исправьте быстрее. Я пришлю вам сейчас побуквенное корректное написание.

– Так какая фамилия?

– Всё в письме, всё! Нельзя так делать, вы понимаете? – Тон на другом конце трубки становился всё жёстче.

– Вы извините. Но и нас поймите. Программа мероприятия – официальный источник. Я не могу за это отвечать.

– И что? И ничего. Исправляйте быстрее, пожалуйста. Вы журналист, ответственность только на вас.

Замечательно, думаю. Теперь мы ещё программы сверять должны.

Настроение испорчено до конца дня. У меня лабильный тип характера по акцентуации, и даже самая незна-

чительная претензия выводит из себя. Комплимент, соответственно, делает счастливой. Скажут, что джинсы красивые или что похудела, – и я уже летаю. Хотя комплименты я получаю гораздо реже, чем ругательства.

А начиналось сегодня всё так хорошо!

Расстроенная, вызываю такси, услугами которого пользуюсь довольно часто. Конечно, это дорого. Но добираться на метро с пересадкой ещё хуже. Один раз уже обрызгали сегодня, хватит. К тому же после работы мне (и не только мне, наверно) обычно хочется быстрее лечь в кровать, закрыть глаза, отбросить дневные проблемы и просто уснуть.

Итак, открываю дверь такси и, широко улыбаясь, опускаюсь на заднее сиденье. Моё настроение похоже на какой-то экзистенциальный комок, в котором сплелись улыбка и слёзы. Слёзы – потому что всё надоело, да и вообще я слишком устала. Нога застревает в проёме двери. Как обычно... Выдавливаю искусственную улыбку назло всем.

– Какое удовольствие видеть счастливого пассажира! – неожиданно поворачивается ко мне водитель.

Улыбчивого, думаю... Не признаваться же ему, что он жестоко ошибся!

– Ну так... Стараюсь, – подмигиваю.

– Вы не представляете, как я рад! – продолжает таксист, одновременно разворачиваясь с парковки и включая музыку. – Разные люди ведь приходят! По тому, как садятся, уже определяю! Некоторые плюхаются злобно. А вы будто впорхнули с улыбкой.

Вежливо смеюсь в ответ.

– Один раз пьяные, значит, толпой... Как завалились! Ржут тут сзади, орут, музыку им давай, да погромче! Мои

песни не нравятся. На заказ другие просят включить. А потом и спрашивают: «Караоке есть?» А я им: «Караоке – за отдельную плату».

Весёлый таксист мне, кажется, попался... Только на дорогу не смотрит. Совсем. Мы всё-таки уже на шоссе. Не буду пока ничего говорить. Сейчас он расскажет и отвернётся. Наверное.

– А один раз девушка села рядом со мной. Дымит, курит – ужас! Молодая такая. Я ей говорю: «Девушка, вам сколько лет, восемнадцать хоть есть?» Отвечает: «Есть». – «А я бы вам не дал восемнадцать». А она мне, с подтекстом, такая: «А я бы тебе дала!»

Я хохочу уже в голос.

– Мне, – говорю, – тоже больше восемнадцати.

– Правда, что ли?

– Да, двадцать семь.

Уже дома я пойму, что от усталости перепутала возраст и добавила себе целый год.

– Ни за что не поверю, вы так молодо выглядите. А вы знаете анекдоты?

– Нет, – отвечаю. – Ну так, мало... Зачем они мне?

– А я знаю, много! Вы про Петьку и Василь Иваныча слышали?

Водитель поворачивается к рулю и что-то бубнит себе под нос. Речь заглушается шумом мотора. Переспрашивать не решаюсь, иначе опять сядет ко мне передом, к лобовому стеклу задом. Чапай с Петькой что-то там таскают из подвала... Говоря одобрительное «угу», начинаю дремать...

– Хороший анекдот, правда? – смотрит на меня таксист.

– Да-да-да... Извините, я вас слышу, но не упускайте дорогу из виду.

– Ой, девушка, вы что, боитесь? В аварии были?

– Нет, – сомневаясь, отвечаю я. Не хочу рассказывать малознакомому человеку о тех случаях, которые до сих пор сняты по ночам.

Впервые я увидела аварию, когда собиралась перейти дорогу. Резкий звон, осколки, груды металла: столкнулись две иномарки. Удар был такой силы, что оглушил всех вокруг. Стёкла разлетелись на несколько метров. Это было очень страшно.

Второй раз спасло чудо. Не меня – подругу. Мы собирались встретиться с Иринкой на набережной. Она опоздала на полчаса. А когда подошла... Открытый рот, приподнятые брови и застывший взгляд – такое не подделаешь. Я запомнила это лицо на всю жизнь. «Саш, ты представляешь! Сегодня в такси... Там, на кольце... А я ругалась, чтобы быстрее!» – тут Ира разрыдалась. Её изрядно трясло. Выяснилось, что, поворачивая, таксист не стал гнать и остановился на светофоре. Ирина возмущалась, не желая платить лишнее по счётчику. Через несколько секунд в бок жигулёнка, что проехал ранее, врезалась «хонда», буквально летевшая на красный. Из первой машины, делая бессвязные взмахи руками, выпал человек с окровавленной головой. Видео с ним потом опубликовали в Сети. Оно собрало двести комментариев.

Третья история случилась уже через полгода. Водитель свернул с трассы, которая проходила мимо заброшенного дома. Рассказал, что месяц назад хулиганы здесь бросили камень в стекло автомобиля. Осколки засыпали всё: заднее сиденье, пакеты, клиента. «С тех пор я каждый раз прошу выбирать другой путь, – оправдывался он. – Но все смеются».

Наконец, ещё одну поездку я запомнила на всю жизнь. Благодаря водителю, который то разговаривал по телефону, то матерился в пустоту, то крутил руль с нечеловеческой злостью. Он успел похвалиться своим талантом

гонщика, констатировал, что женщинам руль давать нельзя, и чуть не задел столб. Я узнала про некую блондинку, которой «лексусом» едва не отрезало голову, и идиотов, мешающих корифею автомобильных дел. В существование блондинки мне до сих пор верится не особо, как и в трезвость корифея.

Пользуясь общественным транспортом, я видела и много других несчастных случаев. Видела обезображенные автомобили, превратившиеся в груды металла. Видела, как скорая помогала на газоне раздетому до нижнего белья человеку, а он лишь рефлекторно дёргал конечностями. Видела мужчину с окровавленной ногой, в панике упавшего из машины на землю. Лёгкие столкновения, от которых на дорогах постоянно образуются заторы, не в счёт...

Да, страшно жить.

Самолёты падают.

Поезда сходят с рельсов.

Электрички сбивают людей.

Корабли тонут.

Про легковые автомобили вообще молчу.

Читая ужасающие новости, я всё-таки верю в фатум.

Вера в судьбу, конечно, штука странная. Она исключает волю. Ибо зачем что-то делать, если всё уже предрешено?

Тут главное – соблюдать баланс.

С одной стороны, от экстренных ситуаций мы не застрахованы. Это уж как на роду написано.

С другой – под лежащий камень и вода не течёт. Если целыми днями сидеть на диване с бутылкой пива, уставившись в телевизор, никакой фатум не поможет...

От воспоминаний меня отвлекает водитель.

– Девушка, – улыбается. – Вы не переживайте. Я не попаду в аварию. Вот вы знаете, чем мудрый человек отличается от просто умного?

– Эмм... Я как-то не думала... Я филолог. Наверно, мудрый человек прочитал Достоевского, Кафку, Манна, Бродского. Он любит классику. Говорят, скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. А филологу можете назвать последнюю книгу, которую прочитали. И он сделает вывод об умственных способностях. Вот вы что читали?

– Нет, – собеседник быстро уходит от ответа. – Не так. Умный человек знает, как выйти из проблемной ситуации. Мудрый – не допустит, чтобы она возникла. Видите, я в зеркало смотрю. А на поворотах с вами разговаривать не буду.

Спасибо и на этом, думаю. Доехать бы живой... Сегодня явно не мой день.

– А вы что, психолог? – интересуюсь.

– Не-а, профессия у меня такая – общаться с людьми. Каждый день пассажиры разные.

– Я вас понимаю. Я журналист, тоже постоянно общаюсь.

– Да я уж вижу, с вами беседовать приятно. Вы к себе располагаете. А в какой газете работаете?

– В университете, в пресс-службе. Раньше в газете была, да.

– Ух ты! Может, я знаменитость везу!

Мои щёки покрываются румянцем.

– Какая знаменитость? Скромный университет...

– Девушка, не надо стесняться! Надо ставить цель и идти к ней. Вам же нравится ваша работа?

– Как вам сказать? – отвечаю. – Работа нравится. Зарплата и коллеги – не всегда.

– Ой, ну это везде так. Плохими людьми не рождаются, ими становятся. Ищите к каждому подход. И найдёте. – Водитель тормозит у подъезда.

Хороший совет. Надо запомнить. Плохими людьми становятся... Это что, как у Достоевского, «среда заела»?

Вроде как про социалистов он именно в таком ключе пишет. Хотя у Достоевского нет ни правых, ни виноватых. У каждого своя правда. И у Лужина, и у Свидригайлова, и у Смердякова. Однозначных героев, соответственно, тоже нет. В одном персонаже смешивается божественное и дьявольское. Стоп... Филологу нельзя думать на такие темы. Это надолго.

Расплачиваюсь и благодарю водителя за весёлую поездку. Спасибо, поднял настроение. Хеппи-энд трудового дня.

В сущности, у меня хорошая работа. И дома я пишу книгу об этом. Жизнь вообще интересная штука. Надо ценить её. А всё остальное – вымоем, починим, исправим, решим.

7

Конференция гуманитариев

Майские праздники стали головной болью Ксюши. Я вежливо игнорировала все мероприятия. А вот историко-культурологическую конференцию пропустить не смогла. Тем более что её организовал новый проректор. Тот, который по административным вопросам.

Андрей Михайлович появился в университете год назад. До этого работал в Петербурге. В Смирновск был прислан «с целью трансформации и модернизации». За год он сменил штат в нескольких отделах. Заключил предварительные соглашения о взаимодействии с рядом университетов Москвы и Казани. Провёл серию тренингов. Ввёл моду на круглые столы. Пригласил с лекциями известных коучей. Дал интервью всем региональным газетам.

Наши пытались соответствовать. Сначала ходили к нему на приём. Рассказывали о себе. Осторожно наме-

кали на то, что не хватает финансирования. Жаловались на маленькие зарплаты. У дверей выстраивались очереди. Личные аудиенции запретили.

Проректора стали приглашать на факультеты. Водили по аудиториям, знакомили со студентами. Он публиковал яркие селфи. Стал редактором двух научных журналов. Возглавил Объединённый центр оптимизации. И рекомендовал провести в середине мая новую Всероссийскую конференцию. Бюджет утвердили, программу сверстали, и вот этот день настал.

Денис был в отпуске. Миша уехал в командировку. Ксюша отдыхала после двух парадов, на Первое и Девятое мая. Мне предстояло работать в одиночку.

Конференция началась традиционно – с пленарного заседания. Открыл его, конечно, Андрей Михайлович. Потом выступили деканы и заведующие кафедрами. Слушатели зевали. Иногородних гостей было немного.

Старт научной части дал аспирант истфака с докладом о летней археологической экспедиции.

– Эту работу мы подготовили при участии коллег, – уверенно заявил он. – Вчерашние студенты с радостью приходят к своим учителям. А теперь разрешите представить результаты...

Первые минуты его речи ввели аудиторию в оцепенение.

Затем на сцену вышли культурологи. Включили презентацию. Культурные предпосылки, традиции... Я слушала в полудрёме.

«Знаешь, что самое важное на любой конференции? Банкет», – любил говорить Денис. Утверждал, что эту мысль ему подсказали сами преподаватели.

Важность банкетов я оценила не сразу.

Изначально конференции были для меня чем-то вроде соревнований. Во многом потому, что между студентами

и правда устраивали конкурсы докладов. Авторы награждали грамотами и публиковали в университетских сборниках.

На конференциях взрослых учёных такого не наблюдалось. Там было всё гораздо официальнее. Доклад – вопросы – буфет.

Я не буду отрицать научной составляющей. Именно при обсуждении можно посмотреть на работу с новой позиции. Учесть сложные моменты и нюансы.

Банкет нужен не меньше. Во время неформальной беседы легко обзавестись знакомствами и связями. А про важность этих связей в современном мире я думала уже неоднократно...

Торжественная часть закончилась.

– Сашенька, – останавливает меня в коридоре начальник издательства Виктор Степанович. – Преподаватели очень просили, чтобы в репортаже вы процитировали одну статью. Из сборника.

– Какую статью? – недоумеваю.

Он протягивает толстую книгу. Организаторы постарались и заранее выпустили сборник тезисов. «I Всероссийская конференция “Культура. История. Традиции”» – значилось на обложке.

– Работу готовили перспективные студенты. Просили обратить внимание в репортаже...

– Я бы очень хотела. Но разве у меня репортаж? – перебиваю. – Репортаж ведётся с места событий. А тут я буду готовить заметку о мероприятии. Перечислю выступавших, конечно... Но заметка маленькая. Нельзя всех цитировать.

– Очень вас понимаю. – Собеседник делает гримасу, показывая, как ему все надоели. – Ну вы пойдите навстречу. Хотя бы одно предложение. Пожалуйста. Вы меня тоже поймите. Вот тут статья. Она не совсем научная. Это в какой-то степени публицистика. На стыке культуроло-

гии и литературоведения. Филологи тоже в соавторах. Вы же филолог? Вам интересно будет.

– Ладно, давайте, – наигранно вздыхая, беру сборник и отправляюсь к себе в кабинет. Посещать остальные заседания смысла нет. А вникнуть в статью надо.

Налив горячего кофе, открываю тридцать восьмую страницу.

«О проблемах массовой культуры» – гласит заголовок.

Читаю аннотацию: «В статье рассматриваются проблемы массовой культуры 1990–2000-х гг., даётся её отрицательная оценка. Особое внимание уделяется массовой литературе, в частности таким жанрам, как детектив и любовный роман».

Что ж, дальше можно не вникать. По этому поводу я давно имею собственное мнение.

Вопрос о массовой литературе актуален. Но не сто́ит мыслить категорично и воспринимать исключительно отрицательно любовные романы и детективы.

Во-первых, их появление обусловлено историческими реалиями девяностых годов. А разве литература не является отражением нашей действительности?

Во-вторых, не все детективы плохи. Я с удовольствием прочитала Андрея Кивинова. Первые сезоны «Улиц разбитых фонарей» – это, кстати, экранизация некоторых его произведений. Язык у Кивинова лучше, чем у многих современных авторов. У которых я встречала нечто вроде: «В детстве, когда мы совсем зелёными играли в песочке». Или, например, такое: «Он начал писать письмо».

В-третьих, детективный сюжет – это не всегда массовая литература. Детективами, если постараться, можно назвать и романы Достоевского.

Впрочем, про всё это в статье о конференции не напишешь. Надо вернуться к реальности и пропеть дифирамбы авторам.

Сразу после майских праздников в Смирновском государственном университете прошла I Всероссийская конференция «Культура. История. Традиции», которую посетили учёные из нескольких регионов нашей страны.

Открытие конференции состоялось 15 мая в актовом зале главного корпуса. На пленарном заседании выступил проректор по административным вопросам Андрей Михайлович Перезвонов, по инициативе которого и была учреждена эта конференция. В своей торжественной речи он пожелал удачи всем участникам и выразил надежду на то, что данное мероприятие станет регулярным.

Далее слово взял аспирант исторического факультета Евгений Соловьёв, рассказавший об итогах летней археологической экспедиции. По его словам, впервые в истории университета раскопки были проведены на средства регионального гранта. В ходе работ археологи обнаружили несколько интересных артефактов, предположительно датированных XVI веком, детальное изучение которых будет продолжаться.

С пленарными докладами выступили и представители культурологического факультета. Виктор Петрович Белых и Алексей Борисович Столбов отметили, как важно изучать культурные предпосылки формирования городской среды Смирновска, и добавили, что в ближайшее время их исследования будут спонсированы региональной администрацией.

Конференция продолжилась секционными заседаниями. Участие в них приняли исследователи других гуманитарных направлений: филологи, социологи, юристы и др. Это особенно отрадно, так как современная наука, по замечаниям многих аналитиков, становится междисциплинарной, и наш университет фактически следует общемировым тенденциям.

К началу мероприятия был выпущен сборник тезисов, его получили все участники. Двести страниц гуманитарных изысканий – это большое достижение для нашего вуза, и хочется верить, что конференция будет регулярной и что на следующий год докладчики встретятся вновь. Ибо, как говорят в своей статье Григорий Веселов и Сергей Бессонов, опубликованной в данном сборнике, «вещи конечны, история, культура – никогда».

8

Гала-концерт

В конце мая в университете должен был состояться традиционный гала-концерт «Студенческой весны». Факультеты показывали свои лучшие номера, а жюри выбирало победителей в разных номинациях. Обычно старались как-то наградить всех участников.

– Нужен материал, – обрадовала меня Ксюша. – Концерт в пятницу вечером.

Замечательно. Всю жизнь мечтала работать в выходные. А ещё жюри возглавляет Миша, которого я в последнее время избегаю. Денис по-прежнему в отпуске.

– А без меня никак нельзя? – спрашиваю. – У тебя же развлекательные темы лучше идут.

– Саш, я б с радостью. Но отчётов много. Я устала сидеть тут ночами.

– А я чем лучше? Я тоже устала. Мне никто переработки не оплачивает... Слушай, может, нам участники напишут?

– Мы с тобой потом концов не найдём... Давай так. Ты выйдешь, а в понедельник отгул возьми. Я прикрою.

– Бесплезно, Ксюш. Кто-нибудь обязательно явится в понедельник в десять утра. И потом будет жаловаться.

– Значит, тогда следующая вечерняя тусовка на работе – моя! Или в выходные тебя заменю.

– Уговорила, – отвечаю я. – Вместо пятницы-развратницы меня ждёт пятница-задница.

– Готовый заголовок, – хихикает Ксюша. – Кстати... Я тут идею придумала. А давай тотем заведём?

– В смысле? – недоумеваю.

– Ты видела акул из «ИКЕИ» в соцсетях?

– Конечно. Все как с ума посходили.

– Так вот, я нашла их даже в профиле одного универа. Они акул за парты посадили. Интересно получилось. А другие Басика в оборот взяли. Может, нам что-то такое замутить? У меня дома кролик Фаня есть. Я принесу. И будем фоткать его на всех мероприятиях.

– Фаня?

– Игрушка обычная. У меня и одежды для него куча. И аксессуары. Сумка, ботиночки. Я шью иногда, а сестра вяжет.

– Ты игрушке одежду шьёшь? – округляю я глаза. – Что я с этим Фаней делать буду?

– А ты на сцену посади. Прикольно! А потом устроим ему съёмку в разных локациях.

– Идея, конечно, хорошая, – неуверенно отвечаю. – Только это лишняя работа какая-то.

– Да ты что! Мы потом его в соцсетях выставим, это будет пушка! Ладно, я побежала.

Остаток дня я провела в поисках информации про акул и Басика. Оказалось, что заводить аккаунты игрушкам и животным – это новая мода. В числе популярных оказались также кошечка Ли-Ли, она же подруга Басика, и зайка Ми. Также в Сети продавали маленьких Басиков. Некоторые создавали целые семьи игрушек. Покупали им наряды, домики и устраивали фотосессии. И это в то время, когда некоторым людям есть нечего... Что одиночество делает с нами?

На следующий день Ксюша принесла Фаню. Это был плюшевый кролик среднего размера с невероятно длинными ушами, который смотрел на мир грустным стеклянным взглядом. К Фане прилагались: штанишки на подтяжках, майка, лёгкая толстовка, джинсы, пальто, ботиночки, рюкзак, шляпа, самодельная кофейная кружка и даже маленький ноутбук.

– Я его на «Али» заказала. – Ксюша весело указала пальцем на картонную технику. – Пригодится. Давай ему съёмку организуем. Прямо сейчас. Где твоя зеркалка?

– Ксю, тебе делать нечего?

– Не дрейфь, подруга! Скоро всё будет! – С этими словами она громко хлопнула дверью.

Надо отправиться следом. Это определённо стоит увидеть своими глазами...

Фаня произвёл сенсацию. Посмотреть на него сбегались все студенты, кто был на этаже. Сначала мы облюбовали диванчики у входа. Фаня лежал, сидел, стоял. Одна девочка взяла его на руки и открыла конспект. В буфете героя пустили без очереди. Он изучил все пирожные и, довольный, указал лапкой на безе. Мне пришлось достать восемнадцать рублей из кошелька.

Дальше – больше. В приёмной ректората кролика посадили за стол. Для антуража добавили блокнот и ручку. Настоящий студент.

Мы проследовали в учебную аудиторию. Дождались звонка с пары. Хотели сфотографировать Фаню одного. Ждали минут десять: все хотели пожать ему лапку.

По итогам дня в нашем архиве оказалось несколько сотен прелестных фото. Их мимимишность зашкаливала.

Наконец рабочие будни завершились. Для всех нормальных людей. Я, поужинав засохшим бутербродом,

пришла на гала-концерт. Верные спутники – Фаня и камера – лежали в сумке. Фаню, который был в джинсах и шляпке, не доставала, опасаясь, что меня снесёт толпа. Студентов к тому времени в зале собралось уже достаточно.

– Привет. – Кто-то потянул меня сзади за локоть.

Миша.

– О, привет! – отвечаю.

– Как дела?

– Нормально. Как сам?

– Тоже нормально. Ой, пока. – С этими словами он куда-то исчезает.

Да, Саша. Нечему удивляться. Всё это – типичный диалог между людьми эпохи соцсетей.

Минут через десять народу в зале явно прибавилось. Пока не выключили свет, я водрузила Фаню на край сцены и достала зеркалку. Нажатие кнопки – вспышка – кадр. Фаня печально озирает всех собравшихся и, казалось, ждал одного: когда всё закончится. Терпи, Фанечка, я в таком же положении.

Концерт не произвёл особого впечатления. Скорее всего, потому, что я устала. По сцене разгуливали древнегреческие гладиаторы, кричали таксисты, маршировали пионеры. Всё это понравилось бы лет шесть назад. Но студенческие годы я уже переросла – как фактически, так и морально.

Соотношение биологического и психологического возраста – проблема интересная. Я до сих пор ощущаю себя пятнадцатилетней девочкой. Не готова к семье и детям. Хочу жить для себя и ни от кого не зависеть. До сих пор не верю, что уже взрослая. При этом мои ровесницы уже замужем. С детьми. У многих дети школьного возраста. Причём от разных мужей. Как найти ту самую золотую середину?

По-моему, главное – это открыть своё истинное призвание и посвятить себя любимому делу. Которое не захочется бросить. От которого в глазах будут гореть огоньки...

Недавно у Бродского я прочитала интересную мысль. Память о каждом человеке – это дети. Или же произведения искусства, культуры, научные открытия и так далее. Именно вторая память остаётся в веках. Дальше, развивая эту идею, добавлю: история помнит только шедевры. Как их создать? Талант? Да. Упорство, постоянная работа? Непременно. Но этого мало. Главное – любить то, чем занимаешься.

Разве цель моей жизни – картинки с Фаней?

9

Первая газета

Наступила пора выпускать университетскую газету. Тут нужно краткое вступление.

Два года назад, когда на пике экономического кризиса вузу урезали финансирование, администрация решила оптимизировать расходы. Газета, которая раньше была ежемесячной, теперь выходила раз в полугодие. Таким образом, номера появлялись в июне и декабре. Правда, если раньше они были чёрно-белыми, то теперь – цветными. К тому же объём увеличили до восьми полос.

Издание газеты являлось моей прямой обязанностью, об этом ректор сказал ещё на собеседовании. В трудовом договоре у меня так и было написано: редактор. Тем не менее дальнейшее уточнение сделать забыли, поэтому я оказалась редактором всего: газеты, электронного портала и даже соцсетей. В подчинении у меня находились несколько человек, но толку от них было мало. Два

корреспондента учились на очном и были свободны только по выходным и вечерам. Корректор числилась в университетском издательстве, а к нашей редакции отношение имела весьма опосредованное. Аня, выставлявшая новости на сайт, была, как я уже говорила, трудоустроена на полставки. Верстальщик из типографии работал по договору гражданско-правового характера. Немного помогала Ксюша, которая отвечала за внешние коммуникации, приглашала СМИ, иногда фотографировала и готовила материалы. Однако единственным вменяемым сотрудником, обеспечивающим функционирование пресс-службы, была я. Фактически я пресс-службой и руководила (на зарплате, правда, это мало отражалось). Позже я узнаю, что это всё – ненормально: сотрудники должны работать в режиме 5/2, а отдел состоять как минимум из десяти человек. Но это будет потом. А сейчас на мои плечи легла газета.

Самое трудное – не получить первый блин комом. Материалы все уже опубликованы на сайтах, нужно только собрать их воедино. И сверстать. Я решила взять тексты про День студента, четырнадцатое февраля, встречу с журналистами, Восьмое марта, открытие коворкинга, фестиваль, конференцию и гала-концерт.

– Ксюш, – звоню коллеге. – Я газету выпускаю. Что мне делать вообще?

– В смысле «что»?

– Я вообще этим ни разу не занималась.

– А тебе Владик не рассказал?

Владик – это мой предшественник, который решил зимой уехать на море из холодного Смирновска и уволился за три дня.

– Нет, – говорю. – Он же свалил.

– Посмотри, он на компе как-то всё готовил и отправлял в редакцию.

– Я там ничегошеньки не понимаю.

– А я тем более.

– И на том спасибо, – расстроено кладу трубку.

Мучительный поиск архивов особых результатов не приносит. Куда всё это складывалось?

Набираю Дениса. С того времени как прошёл апрельский фестиваль, мы так и не обсудили наши взаимоотношения. Денис этот вопрос не поднимал, я тоже. Без нужды я ему не звонила, но тут ситуация была практически безысходной. Денис дружил с Владиком и мог знать всю необходимую мне информацию.

Включаю музыку через колонки. «Бум-бум». Звук гораздо лучше, чем в наушниках. Есть, конечно, шанс, что придёт охрана. Но обычно внимания не обращают, потому что многие лекторы включают фильмы на полную громкость.

– Я всё узнал, – без стука заходит через полчаса Денис.

– Отлично, – говорю.

– Дай мне сесть.

– Сесть? Так сразу? Без следствия? – Юрист во мне просыпался в самый неожиданный момент.

Мой друг вздрагивает и краснеет:

– Скажешь тоже... Бред.

Ага, думаю, точно не всё у вас чисто было с организацией кинофестиваля.

– Меня уже достали этими финансовыми вопросами, – быстро объясняется Денис. – Всем жалко денег. Выбивать средства приходится. А я что сделаю? Сейчас даже ручки и карандаши через госзакупки надо прогонять, иначе не выживем.

– Да я понимаю... Хорошо, что Владик успел на этот год договор по газете заключить. А то мне бы тоже пришлось в отдел торгов бегать.

- Во-во... Короче, я позвонил твоему Владу.
- Он не мой.
- Не цепляйся к словам. Дай я найду на компе. Всё в папках осталось.

Покорно уступаю место. Денис быстро находит нужные файлы.

– Смотри. Он каждую полосу отдельно готовил и отправлял верстальщику. Фотки, тексты собираешь в отдельную папку, и всё. Потом отдаёшь верстальщику, корректору, и работа пойдёт. Не забудь только проверить выходные данные. И рассылку сделать.

– Какую рассылку? Может, я сама ему позвоню?

– Не-е-е, – сразу вскакивает коллега. – Давай через меня. Это я про рассылку обязательных экземпляров в библиотеки. Сейчас найду перечень. Влад сказал, где сохранил.

– И что бы я без тебя делала? – хлопаю его по плечу.

Он краснеет.

– Пропала бы. Слушай... – останавливается Денис, как будто смущаясь. – Ты вечером что делаешь?

– Да газету... Видно, сутками буду работать.

– Я тут посмотрел, выходит мультик в IMAH... Может, сходим?

– Времени нет. Извини. У меня завал, сам видишь. Лучше с Владиком будь на связи. Если он номер сменит или телефон выключит, я этого не переживу.

Собеседник явно расстроен таким поворотом.

– Так где список рассылки? – спрашиваю.

– Минуточку...

Он покорно находит в глубине диска D файл с перечнем библиотек. Выводит документ на печать.

– Спасибо тебе огромное!

– Ты одним «спасибо» не отделаешься.

– Что ты от меня хочешь?

Хитро улыбаясь, стучит указательным пальцем по щеке.

- Меня твоя девушка убьёт.
- Всё, мы расстались.
- Ну и чего так?
- Надоело... У неё одни шмотки на уме. Ну на фиг.

Денис пользовался успехом у женского пола и мог позволить себе выбирать.

– Тогда поблагодарю хоть два раза. Пока новую себе не завёл, – мирно награждаю его дружескими поцелуями.

Уходит. Кажется, доволен.

Остаюсь наедине с компьютером. Мысли хаотично скачут. С трудом начинаю собирать материалы. Фотографии – отдельная головная боль. Сколько их нужно на одну полосу? Как расположить лучше? Где найти снимки приемлемого качества? На многих фото участники то зевают, то в носу ковыряются.

Медленно наступает вечер. Готово. Процесс запущен. Теперь очередь верстальщика.

Помощь Владика, хоть и дистанционная, весьма упростила мне работу. Связка «верстальщик – корректор» работала безотказно. Мне оставалось только ставить задачи, пересылать материалы, контролировать сроки. Больше всего проблем доставляли фотографии. Один раз люди смотрели «с полосы», что категорически запрещено издательскими канонами. Потом при вёрстке обрезали голову ректора. Дальше съехала разметка, и на первой странице образовался белый вакуум. Каждый раз, естественно, переделывали заново. Будучи филологом, я параллельно контролировала также и соблю-

дение норм русского языка. Впрочем, это уже оказалось несложно.

Через неделю номер был готов. Всё это время я спала по пять часов в сутки. В понедельник ждали машину с тиражом.

Утром я проснулась с ощущением надвигающейся катастрофы. Полчаса безуспешно старалась встать. Пока лежала, ворочаясь, с будильником в руках, сочинила стишок:

*Понедельник – синоним разбитости.
Ты встаёшь, не выпивши чаю.
Хочешь счастья, любви, открытости,
Но никто по тебе не скучает.*

Звучит, конечно, банально, но от души. Я давно заметила, что умные мысли всегда приходят, когда нахожусь в горизонтальном положении.

Утреннее предчувствие не обмануло: день был напряжённым. Машина с газетами задерживалась. Водитель пятый час уверенно отвечал, что едет. Боясь что-то пропустить, я так и не сходила на обед.

Ненавижу ждать. Это никогда не закончится...

В третьем часу раздался звонок.

– Девушка, я у шлагбаума.

– Здравствуйте, Бронислав Степанович. Вы приехали?

– Да, охрана не пускает. Где КПП.

– Подождите, сейчас буду.

Опять, думаю, без меня не справятся. Одеваюсь, иду к будке охраны.

– В чём, – спрашиваю, – дело? Нам газету привезли. Пустите машину.

– А я недавно тут работаю. Указаний не было. Не знаю ничего, – упрямится охранник.

– Накладную показывал. Не верит, – опускает стекло расстроенный водитель.

– Тогда будем знакомы, раз новенький, – говорю. – Поднимите шлагбаум. Времени мало.

Охранник молча нажимает на кнопку.

Машина подъезжает к главному входу. Останавливается. Водитель открывает багажник. Пачки газет, стянутые бечёвкой, занимают всё дно.

– И что мне с этим делать? Вы можете отнести? – интересуюсь.

– Нет, девушка, мне за это не платят. Вот раньше парень работал, он сам таскал.

Конечно, то был парень!

– Вы доставайте, а я поеду, – продолжает Бронислав Степанович. – И в накладной пусть руководство крючок оставит. Проректор.

– А куда хоть мой предшественник девал тираж? – Я уже понимаю, что за несколько минут разложить газеты по корпусам будет сложновато.

– Как-то про гардероб слышал. Но не уверен.

Хорошо, пойдём в гардероб, благо он рядом с входом.

Расталкивая студентов, открываю дверь и просовываю голову. Взору предстают две женщины пенсионного возраста. Одна неторопливо бродит между вешалками в поисках чьей-то одежды. Другая медленно прихлёбывает чай. Ложка, метафизически торчащая из стакана, едва не достаёт её подбородка. Моих ушей достигает громкое причмокивание.

– Здравствуйте, – представляюсь. – Извините, пожалуйста, за беспокойство. Я новый редактор газеты. Можно временно оставить тираж у вас?

Две пары глаз тут же поворачиваются в мою сторону.

– Оставляйте, – рассерженно бросает вторая.

– Спасибо большое. Я скоро всё заберу, – кидаю в угол связку газет. – Можно тут оставить, на полу?

– Где хотите. Быстрее только.

Облегчённо закрываю дверь. Вслед доносится что-то похожее на «достали, покою нету».

Сделав пять рейсов между автомобилем и гардеробом, останавливаюсь, чтобы передохнуть. Пачки на удивление тяжёлые.

– Алексей Степанович, – приношу я накладную, – распишитесь, водитель ждёт. А у нас грузчики есть? Я надорвусь скоро.

Он смотрит поверх очков на бумагу и, словно о чём-то задумавшись, говорит:

– Есть, Саша... Позвоните в хозчасть. – Ставит галочку. – Вот, готово, подписал. Удачи вам. Газету принесите мне и всему ректорату.

– Ректорату?

– У нас так принято! Вы попробуйте ещё в бухгалтерию, торги и во все административные отделы занести.

– Конечно.

А ставку почтальона, думаю, можно?

Звоню в хозчасть.

– Грузчик будет через пять минут. Ждите внизу, – обещают мне по телефону.

Отдаю накладную водителю и присаживаюсь на диван в холле. Ненавижу ждать, конечно. Хорошо, что есть интернет. На следующей неделе ожидается потепление. Очередное громкое ДТП произошло под Смирновском... И так далее. Стоп, прошло уже четыре раза по пять минут!

Набираю хозчасть.

– Сейчас будет, – обещают. – В течение часа.

Неплохое такое уточнение. Дождёшься вас. Через час мой желудок будет петь на весь этаж. Быстрее самой всё сделать.

Возвращаюсь в кабинет, беру ножницы и направляюсь к газетам. Тираж всегда раскладывали на стендах. В главном корпусе их три. Ещё одну пачку надо отнести на юридический факультет, здание которого находится через дорогу. И другую – на факультет искусств. Это там, где недавно был фестиваль. И филологам. Правда, туда уже на машине, без вариантов.

От свежей типографской краски руки покрываются чёрным налётом. В следующий раз надо будет купить перчатки... Замечаю в углу Мишу, который наблюдает за тем, как я в скрюченной позе таскаю газеты. Хоть бы помог, что ли! Заканчиваю с главным корпусом, кое-как добираюсь до юрфака, раскладываю тираж и устало опускаюсь на корточки.

– Привет, Саш, – выходит из-за угла Денис. – Чего в такой странной позе?

– Да я замоталась... Видишь, газеты принесла. Сил больше нет. А ты какими судьбами тут?

– Ходил насчёт «Студвесны». Профком в этом году отдал её нам. Так позвонила бы, я бы помог.

– Неудобно беспокоить что-то.

– Скажешь тоже! Пойдём, сейчас всё сделаем.

– Да я уже сама управилась. Филологам и искусствоведам только отвезти надо. И когда номера разберут, положить другие. В гардеробе завал. Всё там оставила.

– Значит, так, – поднимает Денис меня за руку. – Когда газеты закончатся, мы свежие положим сами. Я ребятам скажу, пусть следят. А в другой корпус машину закажем. И завтра отвезём. Пошли. Не надо так сидеть.

Чувствуя, что отказать ему не в силах, поднимаюсь. Мы возвращаемся в главный корпус. У входа крутится мужчина в униформе, при взгляде на которого я понимаю, что это грузчик.

– Вы что так долго? – интересуюсь. – Я уже все газеты разнесла.

– Занят был. Предупреждайте... это... нас. За это... За день.

– Так откуда ж я знаю, когда машина приедет? Я сама её ждала с утра.

– Ваши проблемы. Всё, я того... больше не нужен?

– Нет.

Обращаюсь к Денису:

– Ты слышал, да? По-твоему, это нормально?

– Нет. Но Владик сам этим занимался тоже.

– Он парень!

– А я о чём. Поэтому теперь звонишь мне, и всё. Договорились?

– Ага.

– Может, в гости на чай?

– Я голодная, конечно... Но мне ещё рассылку делать.

И бумажки подписывать. Сказали после выхода каждого номера их оформлять. Хочу сегодня закончить.

– Знаешь что? – оживляется Денис. – Пожалуй, я с тобой схожу. В некоторых отделах такие персонажи... Сама увидишь. Вместе быстрее управимся. И да, рассылку по библиотекам сегодня надо закончить. В день выхода тиража. А через час ведь все уйдут.

– Не представляешь, как я буду благодарна. Я же никого не знаю. С чего начнём?

– Саш, мы где работаем?

– В смысле?

– Ну, учреждение государственное?

– Да, и?

– А с чего начинается любое государственное учреждение?

– Станный вопрос ты задаёшь. Я не могу соображать уже.

– Ладно, слушай. В нормальном состоянии ты бы сказала про вывеску или коридор. А я б ответил, что узко мыслишь! Потому что верный ответ – с бюрократии. Пошли бумажки готовить.

– Ты производишь афоризмы на лету, – хихикаю.

– Стараюсь, – подмигивает. – Так, значит, Влад говорил, что нужны служебки на рассылку и оплату. Сбросил мне образцы. Я как раз хотел передать.

– Да ты моя радость!

Мы наспех заполняем бумаги и распечатываем. С документами по рассылке особых проблем не возникает – спасибо Владу и Денису. Первый оставил мне на компьютере список с указанием того, кому и куда рассылать. Второй, зная всех в университете, за десять минут подписал нужную служебную записку с просьбой разослать тираж по библиотекам. Относим её в канцелярию – всё, требования закона о СМИ выполнили. Только бы канцелярия со сроками рассылки не затянула.

С бумагами на оплату куда труднее: задействовано гораздо больше сотрудников. Помогает Денис. При виде его милостивые девочки из торгов расплываются в улыбке и, бросив все дела, смотрят наши документы. На главного бухгалтера, нахмуренную женщину преклонных лет, мой спутник производит аналогичное впечатление. Я давно заметила, что дамы в возрасте как-то благоволят молодым парням. Мотать нервы юным девушкам они любят куда больше... Наконец документ, подписанный Алексеем Степановичем, отправляется к рядовым сотрудникам бухгалтерии.

– Кажется, всё? – интересуется Денис.

– Не то слово. Я уже ваюсь с ног.

– Тогда на ужин? И пить чай?

– Чай. Подожди-ка. У меня стойкое чувство, как будто я забыла что-то. Только что?

– Рассылка, оплата; мне кажется, Саш, больше ничего не надо.

– Вспомнила! Разнести по отделам!

– В смысле?

– Ну, проректорам газету. А ещё попросили вообще по отделам.

– Класс. Саня-почтальон, я тебя дразнить буду.

– Иди на фиг.

– Что за лексикон, филолог?

– Филолог... Когда это было! Аспирантура не в счёт, ты же знаешь, я преподом не работаю.

– Не начинай! Тебе нельзя про это говорить. Я твоей новой лекции по филологии не вынесу. На Достоевского аллергия уже.

Киваю.

Отправляемся за газетами. Под злобные взгляды женщин из гардероба забираем несколько десятков номеров. В качестве носильщика выступает Денис. Обходя кабинеты, я чувствую глупость затеи. Если секретари проректоров встречают нас равнодушно, то в других отделах люди явно удивлены. Наверно, почтальон Владик трудился исключительно на благо ректората. Да, судя по неуверенному тону, каким Алексей Степанович просил разнести газету всем, он сформулировал эту задачу на лету.

– Девушка, что нужно? – поднимает взгляд сотрудница отдела кадров. – Здравствуйте, Денис Михайлович.

– Добрый, – улыбается он.

– Понимаете, – вклиниваюсь я, – меня зовут Александра, я новый редактор газеты. У нас свежий номер вышел. Читайте.

– Спасибо, – прикрывая ладонью рот, широко зеваает дамочка.

В бухгалтерии мы оставляем пять газет (чтоб наверняка). Теперь им есть чем закрывать стол в праздники. И куда складывать семечки.

– В профком не хочу заходить, – констатирует вдруг Денис. – Подожду за углом.

– Боишься, что ли? Они тебя не съедят.

– Я не могу их видеть уже!

– Как хочешь, – отвечаю. – Мне же легче.

К счастью, Миша на рабочем месте отсутствует. Мне что-то не хочется с ним больше пересекаться. Говорит он много и красиво, но на деле это никак не отражается. Оставляю номер газеты секретарю и ухожу. Приближаясь к Денису, чувствую, как вибрирует телефон в кармане. Это звонит незнакомый.

– Алло.

– Александра?

– Здравствуйте.

– Это Бойченков. Помните такого?

Конечно, помню. Шестидесятилетний доцент. Принёс большой текст про «водные» лекции и семинар в Москве. Я исправила опечатки и выставила новость на сайте.

– Что вы хотели, Евгений Тимофеевич?

– Я хотел узнать, почему репортаж о моей командировке отсутствует в газете.

– Извините, но газета выходит раз в полугодие, и в номере помещаются не все тексты. Мне жаль, правда. Ваш репортаж мы опубликовали на сайте, – отвечаю.

– Но мой текст важный!

– Извините, я бы очень хотела опубликовать, но правда места не хватило. Нам поступает много заметок.

– Я очень расстроен. С вами не хочется больше дела иметь.

Молчу.

– А можно в следующий номер поставить?

– Вы знаете, он у нас запланирован только в декабре. Новость устареет.

– Но тогда надо было в этом номере публиковать!

– Что вам сказать? Каждый тираж я согласую с проректором. От него не было указаний публиковать ваш текст.

– От проректора?

– Да.

– Его разрешение нужно?

– Конечно, Евгений Тимофеевич.

– Тогда понятно. Ладно.

– Вы обратитесь к Алексею Степановичу. Может, он прикажет мне в следующем номере поставить.

– Нет, не буду. Не хочу. До свидания. Спасибо, что объяснили, – вешает трубку собеседник.

Я мысленно улыбаюсь. Опять имя проректора действует. Что за люди!

Да, второго такого номера газеты я не вынесу. А его, наверно, и не будет. Наш вуз, говорят, будут объединять с другим. Лучше поужинать с Денисом.

10 Учёный совет

Слухи о том, что в университете грядут перемены, распространялись молниеносно. Сначала об этом шептались в отделах и на кафедрах. Делали круглые глаза. Смолкали, если заходил кто-то посторонний. Так прошло лето.

В сентябре грядущее объединение перестало быть тайной. Сразу после того, как в региональной газете «Смирновские вести» опубликовали текст под названием «Неземной университет». Статья занимала целый разворот и внушала надежду. Там говорилось, что планирует-

ся симбиоз трёх вузов: нашего (классического), технического и нефтяного. Каждый университет, как обещали авторы материала, сохранит научные школы и традиции. Главными аргументами за то, что процесс объединения необходим, были увеличение финансирования и новые возможности для преподавателей и студентов.

Газету читали повсеместно. Я видела её на столах в ректорате, бухгалтерии и даже в комнате уборщицы. Обсуждать публично уже не боялись, но и выводов пока не делали. «Что ты думаешь про “Неземной университет”?» – это стало главным вопросом месяца. Люди остерегались, что при реорганизации их сократят.

Всеобщее беспокойство усугубилось, когда нефтяной университет отказался с кем-либо объединяться. Произошёл скандал, который активно освещался в местных газетах. О проблеме стали говорить открыто.

Осенним утром в вуз приехал чиновник из региональной администрации. Для него созвали учёный совет. Алексей Степанович пригласил меня и Ксюшу. Правда, мягко намекнул, что наш визит имеет формальный характер. Материалы были не нужны: этим занималась пресс-служба главы региона. Нам оставалось только выставить их текст на сайте.

Долгие публичные мероприятия – штука утомительная. Поэтому мы зарядили телефоны и, учитывая, что в зале может быть холодно, оделись теплее. Специально выбрали места в дальнем углу. Не прогадали.

Учёный совет начался торжественно. Сначала часá полтора говорил сам чиновник. Убеждал, что теперь мы прославимся. Когда у него спросили, чем именно, быстро сменил тему.

– Сохраним все права работников, увеличим финансирование. Слишком много в области университетов. И в стране. Будут сокращать, закрывать, надо успеть

объединиться. Тогда не закроют. Последний вагон, надо вскочить, – объяснял он преподавателям.

Основная мысль становилась понятной: мы должны были объединяться в форме присоединения к техническому вузу. Смирновский государственный университет планировали ликвидировать в процессе реорганизации. Как юридическое лицо он должен был перестать существовать. Преподавателей новость о ликвидации удивила. Я, наоборот, ощущала спокойствие и не вдавалась в подробности того, о чём говорили. Моя зарплата была слишком низкой, чтобы за неё переживать.

Через три часа я почувствовала, что хочу спать. Аккумулятор быстро садился. Новости в интернете надоели. От соцсетей рябило в глазах. Взгляд сфокусировался на декане филологического. Кажется, это было в другой жизни. Воспоминания не заставили себя ждать...

Позади девятый класс. Выпускные экзамены сданы. Пора ответить себе на банальный вопрос: кем быть? Физику готовить к ЕГЭ, наверно, бесполезно. В цифрах нет души. То ли дело книги... В списке литературы оказывается «Преступление и наказание» – я читаю роман за несколько дней. Руки дрожат от нервного возбуждения. Слёзы чередуются с диким восторгом. Неужели бывают ТАКИЕ произведения? Достоевский открывает новый мир и определяет судьбу.

– Буду филологом, – торжественно объявляю я родителям и друзьям.

В ответ получаю шквал критики.

– Что за глупости? Иди на юриста.

– И кем ты работать будешь? Училкой?

– Парней там нет совсем! Замуж не выйдешь!

– Да, Привалова, это надо же додуматься – филолог. Вообще не профессия.

О том, что мы выбрали специальность для души, нам ещё не раз скажут университетские преподаватели. «Денег вы не зарабатываете», – услышу я и на первом курсе филфака, и при трудоустройстве журналистом. Но пройду этот путь до конца...

Годы в Смирновском государственном университете оставили только прекрасные воспоминания. Учёба требовала полной самоотдачи, однако я была счастлива, потому что выбирала профессию сердцем. И за пять лет на филфаке достигла всего, чего хотела.

Можно было стать юристом, экономистом, управленцем – и испортить себе жизнь. Мне искренне жаль тех выпускников, кому указывают путь родители. Трудно определиться, когда тебе семнадцать лет. А взрослым профессии актёра, журналиста, филолога кажутся несерьёзными. Но профессия – она на всю жизнь. Ломать себя каждый день до старости? Это страшно. К тому же никто не знает, какая специальность будет завтра актуальной. В этом я убедилась на собственном примере.

В аспирантуре меня постигло разочарование. Стипендии хватало на три похода в магазин за продуктами. При этом аспирантам рекомендовали не работать, а готовить диссертацию. С каким удовольствием я бы согласилась! Но нужны были деньги, хотя бы на еду. В университете вакансии отсутствовали. В школах и техникумах предлагали отвратительно низкие зарплаты, – впрочем, я туда и не хотела. Оставалась работа в СМИ, которая была недостижимой мечтой. После знакомства с «Компромиссом» Довлатова журналистикой я бредила.

Работа корреспондентом журнала «Бизнес» стала для меня новой эпохой. Картина мира перевернулась. Во-первых, я поняла, что журналистика бывает двух видов. Одна – независимая. Там нет денег, зато совесть

остаётся чистой, если не брать во внимание нормы редакционной политики, которые не всегда могут нравиться. Другая – это не журналистика. PR, связи с общественностью – называйте как хотите. Зарплаты там нормальные. Но хвалить всякую ерунда рано или поздно надоедает. Вторым открытием стал тот факт, что моя филология далека от реальности. Я путала ООО и АО. Не знала слова «лид». Не могла ответить респондентам, которые грозили судом. Я пересмотрела сериал «Ментовские войны» и отдала документы на юрфак.

В то, что юридический факультет можно окончить с красным дипломом, не верил никто. Тем не менее – получилось. Юриспруденция оказалась интересной и весьма своеобразной наукой, которая, однако, совершенно не вызывала таких бешеных эмоций, как филология. Кроме того, я поменяла своё отношение к рынку труда. Выпускники-юристы работу находили быстро, но этот успех, вопреки общему мнению, был иллюзорен. Вчерашние студенты могли претендовать только на должности с низкой зарплатой, и работать им приходилось на износ. Это могло продолжаться десятилетиями. В итоге многие юристы оптимизировали сайты, наращивали ресницы и преподавали бальные танцы. Внутренний филолог был злорадно счастлив.

Филология в классическом понимании не подразумевает обучение журналистике или связям с общественностью, но нас с основами этой работы познакомили. Как оказалось, не зря. Когда я поступала в университет, интернет ещё не был развит и никто не предполагал, что вся реклама уйдёт в онлайн. За то время, пока мы учились, появились новые социальные сети, а вместе с ними – профессии копирайтера, SMM-менеджера, таргетолога, SEO-оптимизатора, интернет-маркетолога, директолога и так далее. Для человека, владеющего словом, эти

специальности – настоящее золотое дно. Хотя немного переквалифицироваться, конечно, придётся.

Сейчас я работаю в университетской пресс-службе. Выполняю функции редактора газеты, SMM-менеджера, специалиста по связям с общественностью. И всё вроде бы хорошо. За исключением одного: морально ярываюсь. Работа – одно, филология – другое. И заниматься этим «другим» мне приходится в свободное время. По ночам я пишу критические работы, стихи, читаю книги, редактирую диссертацию. Утром забываю об этом, как о приятном сне, и иду на работу. Маски сменяются несколько раз в день. Привыкнуть к такому раздвоению сложно. Мне помогло осознание того, что главное – находиться в гармонии с собой. Всё равно в науке у меня нет будущего. По крайней мере, с теми зарплатами, которые там сейчас предлагают...

– Саш. – Кто-то с силой толкает меня в плечо.

Открываю глаза. Ксюша нависает откуда-то сверху и заговорщически улыбается. Поднимаю затёкшую шею и усиленно моргаю:

– Да тут я. Что?

– Ты заснула, что ли? Скоро закончится уже. Давай вставай.

– Блин, я не спала вроде.

– Но ты конкретно съехала. Я боялась, что со стула упадёшь.

– Норм всё, я размечталась что-то. Ксюш, а сколько времени прошло?

– Сама не знаю. Мне кажется, они никогда не закончат!

Жму на кнопку разблокировки мобильного и понимаю, что учёный совет продолжается три с половиной часа. Я дремала минут тридцать, не больше. За это время в зале ничего не изменилось. Преподаватели что-то обсуждают.

Чиновник кивает в ответ. Фотограф Гоша всё так же снимает происходящее. В зависимости от направления камеры то встаёт, то садится. А ведь он красив. Надо бы пообщаться с ним. Тем более что с Денисом так и не вышло...

Четыре месяца назад, когда выпускали газету, у меня были все шансы на отношения. Не сложилось. Винить в этом можно только себя. Мы встретились в кафе. Вкусно поужинали. Я получила несколько комплиментов и странных намёков интимного характера. Денис осторожно гладил меня по коленке, явно показывая, что это уже его территория. На такси уехали домой. Он проводил до подъезда. Потом – до двери квартиры. Предложил зайти на чай. Я вежливо отказала. Не помогло. В итоге закрыла дверь у него перед носом, откупорила бутылку шампанского и продолжила вечер наедине с собой. Что было на уме у кавалера, доподлинно неизвестно. Вероятно, для таких мужчин начинать отношения с чаепитий на дому – норма. Для меня – нет.

После этого свидания Дениса я избегала. Иногда приходилось общаться по рабочим вопросам. Я старалась быстрее закончить разговор. Во время беседы смотрела в пол или в окно. Старалась, чтобы присутствовал кто-то третий. Остаться с Денисом наедине значило бы сдаться. Он до сих пор вызывал в душе бурю эмоций.

Денис не успокаивался. Лайкал мои фото. Что-то писал «ВКонтакте». Иногда – по делу. Чаще – просто так. Во время личного общения сверлил меня взглядом. Устоять было трудно. Во всех смыслах. Но я понимала, что не хочу быть очередной галочкой в его послужном списке. Иного варианта пока не наблюдалось. К тому же мне просто было лень. Куда-то ходить, ездить, общаться... Зачем? Я лучше выплыву. Встречаться дома? Тогда встречи будут иметь единственный ожидаемый финал. Тот, которого мой разум старается избежать.

Забыть Дениса оказалось непросто. Я часами разглядывала его фотографии в соцсетях. О чём-то мечтала. Не могла заснуть. Это продолжалось всё лето.

– Саша, нет приёмов, чтобы забыть. Эмоции надо пережить, – сказала мне хорошая знакомая, которая окончила психологический факультет. В последнее время она всё чаще вытаскивала меня из бесконечных депрессий.

– Как пережить? – спрашиваю. – Невозможно уже. Может, к психологу сходить?

– Бесплезно. Я же психолог. Радуйся! Эмоции – это прекрасно. Творческие люди, может, вообще ждут, когда у них будут такие сильные чувства. А у тебя всё есть. Пиши, сублимируй!

– Не могу я писать. Нет вдохновения.

– Включи грустную музыку. Поплачь. Дай волю эмоциям. Не надо подавлять их! Хочешь плакать – плачь. Танцуй, кричи, пой, радуйся! И всё пройдёт!

Вот как, оказывается... Общество требует от нас каменных физиономий и спокойствия. Плачущего человека считают ненормальным. Успокаивают, жалеют. А надо всего-то оставить его в покое.

К концу лета Дениса я почти забыла, хотя личных встреч по-прежнему избегала. Взгляд уже чаще останавливался на других парнях. Взять, например, Гошу. Только зачем мне это? Нет, я не хочу очередной головной боли...

– Давайте подведём итог! – Внезапный бас чиновника прерывает мои размышления.

Сейчас всё закончится.

Меня почему-то начинает трясти.

– Я хочу обратиться к собравшимся. Надо проголосовать. Будем объединяться? – продолжает именитый гость.

По залу пробегает волна оживления. Учёные смотрят друг на друга.

– Ну, давайте проголосуем... – неуверенно отвечает ректор. – Итак, кто за реорганизацию Смирновского государственного университета в форме присоединения?

Собравшиеся переглядываются. Некоторые с тоской смотрят на портреты, которые висят на стене. Там изображены бывшие руководители университета. Фотография, ФИО, годы жизни и работы – всё строго по канону.

В такие моменты творится история.

– Ну как, поддерживаем, да? – повторяет ректор.

– Да... – неуверенно отвечает из зала преподавательница с большой шишкой волос на голове.

– Куда деваться-то... – вторит ей кто-то.

– Давайте попробуем, – может, что и получится?

Лес рук взмывает вверх.

11

Глава последняя Которой не должно быть

Университета, о котором вы прочитали, больше не существует. Его присоединили к другому вузу.

Писать об этом можно сколько угодно. Молчать я не могу. Ни вуза, ни истории, ни традиций. Осталась только память, которая вечна. Пусть мои слова станут частью этой памяти.

Не хочу никого винить. Судить других – последнее дело. Всегда нужно представлять две позиции: за и против. Учёные знают, в чём разница между гуманитарным и техническим мышлением. Постоянно вспоминаю об этом. Технарь и естественник стремятся получить единственно верное решение задачи. В гуманитарном знании возможна любая точка зрения, если она аргументирована. И почти всегда этих «точек» оказывается несколько. Именно

поэтому я, гуманитарий, не делаю окончательных выводов. К тому же всё, что ни происходит, к лучшему.

Да, университет – это особый мир. Изначально, в далёкие Средние века, именно университеты были центрами знаний, остались ими и до сих пор.

В моём регионе классического университета больше нет.

Конечно, раньше не всё было идеально. Мы пользовались старыми компьютерами. Сидели в холодных аудиториях. Получали низкие зарплаты. Но оставались людьми. До конца.

Что теперь? Работа в объединённом университете. Новые люди, перспективы, задачи, достижения. Я уверена: всё будет хорошо. Только это другой вуз, другая жизнь.

Наша история закончилась.

Ещё до моего трудоустройства в университете прошло что-то вроде собрания выпускников. Там презентовали книгу под заглавием «Наследие». В книге – истории людей, когда-то окончивших университет и добившихся успеха.

– Подготовишь материал, – заявили мне.

– Так я же туда не ходила.

– А тебя никто и не просит врать. Вот тебе книга. Почитай.

– Красивая обложка. И что мне с этим делать? Можно я про книгу напишу? – беру смартфон и открываю камеру.

– Конечно!

Книга «Наследие», изданная Смирновским государственным университетом, – это сборник памяти. Ибо память – то, что остаётся с человеком на всю жизнь.

В книге представлены истории успешных выпускников. Искусствоведы, культурологи, филологи, юристы, математики и многие другие специалисты – на этих страницах.

Я беру в руки сборник. Красивый и яркий, он привлекает внимание издали. Для читателей подготовили небольшое вступление. Представители ректората дали сопроводительные комментарии. Далее – фото выпускников, их цитаты, истории. Каждому посвящён разворот. Всего лишь две страницы, а в них – целая жизнь.

Я не знаю, какой будет судьба этих людей. Я не знаю даже, что станет с тем экземпляром книги, который держу в руках. Но одно мне известно точно: люди, о которых тут рассказывается, уже увековечены в истории нашего университета, региона, Отечества.